

Лев Николаевич

Толстой

Великий грех

(1905 г.)

Государственное издательство

«Художественная литература»

Москва – Ленинград

1936

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYU и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYU

Подготовлено на основе электронной копии 36–го тома

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 36-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого можно прочитать

в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

1905 Г.

ВЕЛИКИЙ ГРЕХ.

Россия переживает важное, долженствующее иметь громадные последствия время.

Близость и неизбежность надвигающегося переворота особенно живо, как это и всегда бывает, чувствуется теми условиями общества, которые своим положением избавлены от необходимости поглощающего все их время и силы физического труда и потому имеющими возможность заниматься политическими вопросами. Люди эти — дворяне, купцы, чиновники, врачи, техники, профессора, учителя, художники, студенты, адвокаты, преимущественно горожане, так называемая интеллигенция, — теперь в России руководят происходящим движением и все свои силы направляют на изменение существующего политического строя и на замену его иным, считаемым той или иной партией наиболее целесообразным и обеспечивающим свободу и благо русского народа. Люди эти, постоянно страдая от всякого рода стеснений и насилий правительства, административных ссылок, заточений, запрещений собраний, запрещений книг, газет, стачек, союзов, ограничения прав разных национальностей и вместе с тем живущие совершенно чуждой большинству русского земледельческого народа жизнью, естественно

видят в этих стеснениях главное зло и в освобождении от него главное благо русского народа.

Так думают либералы. Так же думают социал-демократы, надеющиеся через народное представительство с помощью государственной власти осуществить соответственно своей теории новое общественное устройство. Так думают и революционеры, предполагая, заменив существующее правительство новым, установить законы, обеспечивающие наибольшие свободу и благо всего народа.

А между тем стоит только на время отрешиться от укоренившейся в нашей интеллигенции мысли о том, что предстоящее России дело есть введение у себя тех самых форм политической жизни, которые введены в Европе и Америке, будто бы обеспечивающих свободу и благо всех граждан, а просто подумать о том, что нравственно дурно в нашей жизни, чтобы совершенно ясно увидеть, что то главное зло, от которого не переставая жестоко страдает весь русский народ, зло, которое он живо сознает и о котором не переставая заявляет, не может быть устранено никакими политическими реформами, как оно не устранено до сих пор никакими политическими реформами в Европе и Америке. Зло это, основное зло, от которого страдает русский народ точно так же как народы Европы и Америки, есть лишение большинства народа несомненного, естественного права каждого человека пользоваться частью той земли, на которой он родился. Стоит только понять всю преступность, греховность этого дела, для того чтобы понять, что пока не будет прекращено это постоянное, совершаемое земельными собственниками злодеяние, никакие политические реформы не дадут свободы и блага народу, а что, напротив, только освобождение большинства людей от того земельного рабства, в котором оно находится, может сделать политические реформы не игрушкой и орудием личных целей в руках политиканов, а действительным выражением воли народа.

Вот эту-то мою мысль мне хотелось сообщить в этой статье тем людям, которые в эту важную для России минуту хотят искренно служить не своим личным целям, а истинному благу русского народа.

I.

Иду в вербную субботу по большой дороге в Тулу. Народ обозами едет на базар, с телегами, курами, лошадьми, коровами (некоторых коров везли на телегах – так они худы). Сморщенная старушка ведет худую, облезшую корову. Я знаю старуху и спрашиваю, зачем ведет корову.

– Да без молока, – говорит старуха, – надо бы продать да купить с молоком. Небось, красненькую приложить надо, а у меня всего пятерка. Где возьмешь? За зиму муки на 18 рублей купили, а добытчик один. Живу одна с невесткой, четверо, внучат, сын в дворниках в городе.

– Отчего же сын дома не живет?

– Не при чем жить. Какая наша земля? На квас.

Идет мужик, портки в рудокопной глине, худой, бледный.

– По какому делу в город? – спрашиваю.

– Лошаденку купить; пахать время, а лошади нет. Да дороги, сказывают, лошади.

– А ты за сколько хочешь купить?

– Да по деньгам.

– За много ль?

– Да 15 рублей сколотил.

– Чего нынче на 15 рублей купишь? На шкуру, – вступается другой мужик. – У кого руду работаешь? – спрашивает он, глядя на растянутые в коленках, выкрашенные красной глиной портки.

– У Комарова, у Ивана Масаича.

– Что ж мало выработал?

– Да ведь исполу работал, ему половину.

– А много ль зарабатывали? – спрашиваю я.

– В неделю рубля два обгонял, а то и меньше. Что станешь делать? Хлеба до Рождества не хватило. Не накопишься.

Немного дальше молодой мужик ведет лошадку ладную, сытую продавать.

– Хороша лошадка, – говорю я.

– Надо бы лучше, да некуда, – отвечал он, думая, что я покупатель. – И пахать и в езде.

– Так зачем же продаешь?

– Да не к чему. Что ж, две земли. Я на одной (лошади) ухожу (землю), а на зиму пустил и сам не рад. Съела скотину на отделку. Да и деньги нужны за ренду платить.

– А вы у кого арендуете?

– Да у Марьи Ивановны; спасибо, отдала. А то бы нам мат-петля.

– Почем берете?

– По 14 рублей дерет. А куда же денешься? Берем.

Едет женщина с мальчиком в картузике. Она меня знает, слезает и предлагает взять мальчика в услужение. Мальчик крошка совсем, с умными, быстрыми глазами.

– Он так только видится мал, а он всё может, – говорит она.

– Зачем же ты такого маленького отдаешь?

– Да что, барин, хоть с хлеба долой. У меня четверо да сама, а земля одна. Верите Богу, не емши сидим. Просят хлеба, а дать нечего.

С кем ни поговорить, все жалуются на нужду, и все одинаково с той или другой стороны приходят к единственной причине. Хлеба не хватает, а хлеба не хватает оттого, что земли нет.

Но это случайные встречи по дороге; но пройдите по всей России, по крестьянскому миру, и взгляните во все ужасы нужды и во все страдания, происходящие от очевидной причины: у земледельческого народа отнята земля. Половина русского крестьянства живет так, что для него вопрос не в том, как улучшить свое положение, а только в том, как не умереть с семьей от голода, и только оттого, что у них нет земли.

Пройдите по всей России и спросите у всего работающего народа, отчего ему дурно живется, что ему нужно, и все в один голос скажут одно и то же, то, чего они все не переставая желают и ждут и на что не переставая надеются, о чем не переставая думают.

И они не могут не думать, не чувствовать этого, потому что, не говоря уже о главном, о недостатке земли, чтобы кормиться, большинство из них не может не чувствовать себя в рабстве у тех помещиков, купцов, землевладельцев, которые окружили своими землями их малые, недостаточные наделы, и они не могут не думать, не чувствовать этого, потому что всякую минуту за мешок травы, за охапку дров, без которой им жить нельзя, за ушедшую лошадь с их земли на господскую терпят не переставая штрафы, побои, унижения.

Как-то раз я по дороге разговорился со слепым крестьянином–нищим. Узнав во мне по разговору грамотного, читающего газеты, но не признав за господина, он остановился и с значительным видом спросил:

– А что, слушок есть?

Я спросил:

– О чем?

– Да об земле об господской.

Я сказал, что ничего не слышал. Слепой покачал головой и больше ничего не стал спрашивать.

– Ну, что говорят о земле? – спросил я недавно у своего бывшего

ученика, богатого, степенного и умного, грамотного крестьянина.

– Точно болтает народ.

– Ну, а ты что думаешь?

– Да, должно, отойдет, – сказал он.

Из всех совершающихся событий это одно важно и интересно для всего народа. И он верит, не может не верить, что «отойдет».

Он не может не верить в это, потому что ему ясно, что размножающийся народ, живущий земледелием, не может продолжать существовать, когда ему оставлена только малая часть земли, которой он должен кормить себя и всех паразитов, присосавшихся к нему и распложающихся на нем.

II.

«Что такое человек? – говорит Генри Джордж в одной из своих статей. [1] – Прежде всего он есть земное животное, которое не может жить без земли. Всё, что ни производится человеком, берется из земли; весь производительный труд в конечном анализе оказывается состоящим из переработки земли, материалов, взятых из земли, в формы, приспособленные для удовлетворения человеческих нужд или желаний. Да и самое тело то человека берется из земли. Мы – дети земли. Из нее мы взяты, и вновь в нее должны мы возвратиться. Отнимите у человека всё, что принадлежит земле, и что останется у вас, кроме бесплотного духа? Потому тот, кто владеет землей, на которой и от которой должен жить другой человек, является господином этого человека, и человек этот есть его раб. Человек, который владеет землей, на которой я должен жить, может распоряжаться моею жизнью и смертью так же свободно, как если бы ему принадлежало мое тело. Мы толкуем об отмене рабства, но мы не отменили рабства, мы отменили лишь более грубую форму его: личное рабство. Теперь нам предстоит отменить более тонкую и предательскую, более проклятую форму его, то промышленное рабство, которое делает человека фактически рабом, превознося в то же время его свободу».

«Одно из самых несообразных и нелепых явлений, которое не удивляет нас только потому, что мы к нему привыкли, – говорит в другом месте тот же Генри Джордж, – состоит в том, что рабочий класс во всех странах цивилизованного мира есть бедный класс. Если бы какое-либо мыслящее существо, еще не бывшее на земле, каким-нибудь чудом явилось бы на нее и вы бы объяснили ему нашу жизнь, объяснили бы, как создаются трудом дома, пища, одежда и все вообще предметы, нужные нам для жизни, то существо это, конечно, подумало бы, что те люди, которые производят всё это, и суть как раз те самые люди, которые живут в самых лучших домах и имеют всего более того, что создается трудом. На деле же в Лондоне, Париже, Нью-Йорке, везде,

даже в средних городах, именно рабочие–то люди и живут в самых бедных домах».

То же самое происходит еще в большей степени в деревнях, прибавил бы я. Люди праздные живут в роскошных домах, просторных, красивых жилищах. Трудящиеся живут в темных, грязных домишках.

«Удивительное явление это стоит того, чтобы над ним призадуматься. Мы невольно презираем бедность. И на самом деле ее следовало бы презирать. Природа вознаграждает лишь труд и только труд. Никакой предмет богатства не может быть произведен без участия труда, и при естественном порядке вещей человек, работающий добросовестно и умело, должен быть богатым, а не работающий – бедным. Мы перевернули этот порядок природы, и у нас рабочие люди бедны, а праздные богаты. Отчего это?

Оттого, что мы принуждаем людей, которые работают, платить другим людям за позволение работать. Вы покупаете сюртук, лошадь, дом; вы платите за производство труда, за труд, затраченный продавцом или купленный им у других людей. Но за что вы платите человеку, когда вы платите ему за землю? Вы платите ему за то, чего не производил никто из людей, что существовало ранее, чем явился человек, за ценность, которая была создана не каким–либо человеком лично, а обществом, часть которого вы составляете».

От этого и богат тот, кто захватил землю и владеет ею, и беден тот, кто работает на ней или над ее произведениями.

«Мы толкуем о перепроизводстве. Но какое же может быть перепроизводство в то время, когда народ нуждается в самом необходимом? Народу нужны те предметы, которые оказываются произведенными в излишке. Почему же он не приобретает их? Не потому, чтобы он не желал их, а потому, что у него нет средств купить их. Почему же у него нет средств? Потому что он зарабатывает слишком мало. А зарабатывает он слишком мало потому, что отдает часть своей работы тем, кто владеет землей. И потому не диво, что великое множество разных товаров остается непроданным, когда огромной массе людей приходится работать в среднем за один доллар 40 центов в день в Америке», и за 50 копеек в России.

«Почему же этим людям приходится работать за такую низкую плату? Потому что если бы они потребовали высшей платы, то их было бы кем заменить. Всегда стоит наготове множество безработного люда, и именно эта масса безработных и понижает заработную плату до одной только возможности существования. Но почему есть люди, которые не могут найти для себя работы? Разве не странно звучат эти слова, что люди не могут найти для себя работы? Адам не испытывал затруднения в отыскании работы, не испытывал его и Робинзон Крузо; отыскание работы было самым последним делом, о котором они заботились.

Если люди не могут найти для себя работодателя, то почему же они сами не сделаются своими работодателями? Да просто потому, что они отрезаны от того, без чего немыслим никакой труд; люди принуждены конкурировать между собою из–за заработной платы, выдаваемой

хозяином, потому что они насильственно лишены естественных удобств, пользуясь которыми они могли бы быть своими собственными хозяевами, потому что для них нет места в Божьем мире, где они могли бы работать, не платя другим каким-то человеческим существам за то, что те позволяют им работать».

«Люди молят Бога о том, чтобы Он облегчил бедность. Но бедность происходит не от божьих законов; сказать это – значило бы произнести самую гнусную хулу на Бога. Бедность происходит от человеческой несправедливости к ближнему. Допустим, что молитва людей была бы услышана Всемогущим; но как Он мог бы исполнить их просьбу, сохраняя установленные Им же законы такими, каковы они есть? Ведь Бог ничего не дает нам из того, что составляет богатство. Он дает нам только сырой материал, который перерабатывает человек, производя богатство. А разве теперь Он мало дает нам этого сырого материала? И если бы Он стал давать его еще более, как мог бы Он облегчить бедность? Пусть была бы услышана молитва, и Он увеличил бы силу солнца или плодородие почвы, сделал бы растения более плодородными и заставил быстрее бы размножаться животных. Кому всё это было бы на пользу в стране, в которой земля захвачена частными владельцами? Только одним собственникам земли. И даже если бы Бог в ответ на просьбы людей стал прямо посылать с неба те предметы, какие нужно людям, то и тогда это было бы на пользу одним собственникам земли.

В Ветхом завете рассказывается, как израильтяне, странствуя в пустыне, терпели голод и как Бог послал им с неба манну. Ее было достаточно для всех, все брали ее и были сыты. Но допустим, что пустыня признавалась бы частною собственностью. Какая польза была бы от манны для народа, если бы одни израильтяне владели квадратными милями земли, а другие не имели ни одной пяди? Сколько бы Бог ни посылал манны, манна эта делалась бы собственностью землевладельцев; они нанимали бы кое-кого собирать ее для них в кучи и продавали бы ее своим голодающим братьям. И покупка и продажа манны продолжались бы до тех пор, пока большинство израильтян не проело бы всё, что у них было. А потом они начали бы голодать, в то время как манна лежала бы в огромных кучах и землевладельцы жаловались бы на ее перепроизводство. Было бы как раз то самое явление, какое мы видим в настоящее время».

«Всё это я говорю не с тем, чтобы, покончив с этой основной несправедливостью, мы могли спокойно сложить руки; но я говорю, что вопрос о праве владения землей лежит в корне всех других общественных вопросов. Я говорю то, что мы можем делать всё, что угодно, можем вводить какие угодно реформы, но мы не избавимся от повсеместной бедности до тех пор, пока то, с чего должны жить все люди, – земля – будет оставаться частною собственностью некоторых лиц; что до тех пор будут бесплодны все усилия улучшить положение людей. Преобразовывайте механизм управления, сокращайте до минимума налоги, стройте железные дороги, заводите кооперативные магазины, делите прибыль, как хотите, между предпринимателями и рабочими, и что же будет в результате? В результате будет то, что земля будет повышаться в своей ценности, только это будет в результате и ничего больше. Опыт доказывает нам это.

Разве все улучшения не увеличивают только ценности земли, того, что должны платить одни люди другим за право существования на свете?»

То же самое, прибавлю я, мы не переставая видим в России. Все землевладельцы жалуются на бездоходность, убыточность имений, а цена на землю не переставая растет. Она не может не расти, потому что население увеличивается, а земля для него – вопрос жизни и смерти.

И потому народ отдает всё, что может, не только свой труд, но и свои жизни за землю, которую удерживают от него.

III.

Было людоедство, были человеческие жертвы, была религиозная проституция, были убийства слабых детей и девочек, была кровавая месть, были убиения целых населений, судебные пытки, четвертования, сжигания на кострах, кнут, были на нашей памяти исчезнувшие шпицрутены, рабство. Но если мы пережили эти ужасные обычаи и учреждения, то это не показывает того, чтобы среди нас не было таких же, ставших столь же противными для просветлевших разума и совести учреждений и обычаев, как и те, которые в свое время были уничтожены и стали для нас ужасным воспоминанием. Путь совершенствования человечества бесконечен, и в каждую минуту исторической жизни есть суеверия, обманы, вредные, злые учреждения, уже пережитые людьми, ставшие прошедшими, есть такие, которые представляются нам в далеком тумане будущего, и такие, которые мы в настоящем переживаем, которые составляют задачу нашей жизни. Таковы в наше время смертная казнь и вообще наказания, такова проституция, таково мясоедение, таково дело милитаризма, война, и таково самое близкое и настоящее дело – частная земельная собственность.

Но как и от всех, ставших привычными несправедливостей люди освобождались не вдруг, не тотчас же после того, как наиболее чуткие люди признавали их зловедность, но порывами, остановками, возвратами и опять новыми порывами освобождения, подобными потугам родов, как это было недавно с уничтожением рабства, так это происходит теперь с частной земельной собственностью.

На зло и несправедливость частной земельной собственности за тысячу лет тому назад указывали пророки и мудрецы древности. Потом всё чаще указывали на это зло передовые мыслители Европы; особенно ясно это высказывали деятели французской революции. В последнее же время, вследствие увеличения населения и захвата богатыми людьми большого количества свободных земель, вследствие общего образования и смягчения нравов, несправедливость эта стала до такой степени очевидной, что не только передовые люди, но все самые рядовые люди не могут уже не видеть и не чувствовать ее. Но люди, в особенности те, которые пользуются преимуществами земельной собственности, сами собственники и те, которые связаны своими выгодами с этим

учреждением, так привыкли к этому положению вещей, так долго пользовались им, так нуждаются в нем, что часто сами не видят его несправедливостей и употребляют все возможные средства, для того чтобы скрыть от самих себя и других людей всё ярче и ярче выступающую истину: замять, загасить ее, извратить, а если это не действует, то замолчать ее.

Поразительна в этом отношении судьба деятельности появившегося в конце прошлого столетия необыкновенного человека – Генри Джорджа, посвятившего все свои огромные духовные силы на разъяснение неправды и жестокости земельной собственности и на указание средств исправления этой неправды при существующем теперь во всех народах государственном устройстве. Он сделал это своими книгами, статьями и речами с такой необыкновенной силой и ясностью, что человеку без предвзятых мыслей, прочтя его книги, невозможно не согласиться с его доводами, не видеть того, что никакие реформы не могут улучшить положения народа до тех пор, пока не будет уничтожена эта основная несправедливость, и что средства, предлагаемые им для ее уничтожения, разумны, справедливы и удобоприменимы.

И что же? Несмотря на то, что английские сочинения Джорджа в первое время их появления очень скоро распространились между англо-саксонским миром и не могли не быть оценены по своим высоким достоинствам и казалось, что истина должна восторжествовать и найти форму выражения, – очень скоро оказалось, что в Англии, даже в Ирландии, где особенно резко проявлялась вся вопиющая несправедливость частной земельной собственности, большинство самой влиятельной интеллигенции, несмотря на всю убедительность доводов Джорджа и удобоприменимость предлагаемого им средства, стало против его учения. Радикальные деятели, как Парнель, сначала сочувствовавшие проекту Джорджа, очень скоро отступили от него, считая более важным политические реформы. В Англии были против него почти все аристократы и, между прочим, знаменитый Тойнби, Гладстон и Герберт Спенсер, который сначала и высказал в своей «Статике» самым определенным образом всю несправедливость земельной собственности, потом отказался от этого своего мнения и скупал свои старые издания с тем, чтобы исключить из них всё, что было сказано о несправедливости земельной собственности.

В Оксфорде студенты устроили во время лекции Джорджа враждебную ему манифестацию. Католическая же партия считала учение Генри Джорджа прямо греховным и безнравственным, опасным и противным учению Христа. Точно так же восстала против учения Джорджа и ортодоксальная наука политической экономии. Ученые профессора с высоты своего величия опровергали это учение, не понимая его, преимущественно за то, что оно не принимало основных положений их мнимой науки. Враждебны были и социалисты, признавшие важнейшим вопросом времени не земельный вопрос, а полное уничтожение частной собственности. Главными же орудиями против учения Генри Джорджа было то средство, которое всегда употребляется против неопровержимых и совершенно ясных истин. Средство это, употребляемое и до сих пор по отношению к Джорджу, было замалчивание. Это замалчивание производилось так успешно, что член английского парламента Лабушер мог публично сказать, не встретивши возражения, что «он не такой фантазер, как

Генри Джордж, что он не предложит отбирать земли у помещиков, чтобы отдавать ее затем в аренду; он будет требовать только установления налога с ценности земель». То есть, приписывая Джорджу то, чего он никак не мог говорить, Лабушер, в виде исправлений этих мнимых фантазий, высказал то, что действительно говорил Джордж.

Так что, благодаря совокупным усилиям всех людей, заинтересованных отстаиванием учреждения земельной собственности, неотразимо убедительное по своей простоте и ясности учение Джорджа остается почти неизвестным и последние годы всё менее и менее обращает на себя внимание.

Кое-где в Шотландии, в Португалии, в Новой Зеландии вспоминают о нем, и среди сотен ученых является один, который знает и защищает учение Джорджа. В Англии же и Соединенных Штатах число его сторонников становится всё меньше и меньше, во Франции его учение почти неизвестно, в Германии оно проповедуется в очень маленьком кружке и везде заглушается шумным учением социализма, так что среди большинства так называемых образованных людей оно известно только по имени.

IV.

С учением Джорджа не спорят, а просто не знают его. (Иначе и нельзя поступать с учением Джорджа, потому что тот, кто узнает его, не может не согласиться с ним.)

Если же вспоминают про него, то или приписывая ему то, чего оно не говорит, или вновь утверждая то, что опровергнуто Джорджем, или, главное, отвергают его только потому, что оно не сходится с теми педантическими, произвольными, легкомысленными положениями так называемой политической экономии, которые признаются непоколебимыми истинами.

Но, несмотря на это, истина о том, что земля не может быть предметом собственности, до такой степени выяснилась самой жизнью современных людей, что для того чтобы продолжать удерживать устройство жизни, при котором признается право частной земельной собственности, есть только одно средство: не думать об этом, игнорировать эту истину и заниматься другими, захватывающими делами. Так это и делают люди современного мира.

Политические деятели Европы и Америки занимаются для блага своих народов всякого рода делами: тарифами, колониями, подоходными налогами, военными и морскими бюджетами, социалистическими союзами, товариществами, синдикатами, избраниями президентов, дипломатическими сношениями, всем, только не тем одним, без чего не может быть никакого истинного улучшения положения народа, — восстановлением нарушенного права всех людей на пользование землей.

И хоть политические деятели христианского мира в глубине души и чувствуют, не могут не чувствовать, что вся их деятельность, как промышленной борьбы, которой они заняты, так и военной борьбы, на которые они кладут все свои силы, не может ни к чему привести, кроме как к всеобщему истощению сил народов, они, не заглядывая вперед, а отдаваясь требованиям минуты, как бы с одним желанием забыться, продолжают кружиться в заколдованном круге, из которого нет выхода.

Как ни странно это временное ослепление в политических деятелях Европы и Америки, оно объясняется тем, что в Европе и Америке люди уже зашли слишком далеко по ложному пути, так что большая доля их населения уже оторвана от земли (в Америке никогда не жила на земле), а живет или на фабриках или наемным сельским трудом и желает и требует только одного – улучшения своего положения наемного рабочего. Понятно поэтому, что политическим деятелям Европы и Америки, внимая требованиям большинства, может казаться, что главное средство улучшения положения народа заключается в тарифах, трестах, колониях; но русским людям для России, где земледельческое население составляет 80 процентов всего народа, где весь этот народ просит только одного – чтобы ему дали возможность оставаться в этом состоянии, казалось бы, должно быть ясно, что для улучшения положения народа нужно нечто другое.

Люди Европы и Америки находятся в положении человека, уже так далеко зашедшего по дороге, которая сначала казалась настоящей, но которая чем дальше он шел по ней, тем более удаляла его от цели, что ему страшно признаваться в своей ошибке. Но русские всё стоят на дороге до поворота и могут, по мудрой пословице, стоя на дороге, о дороге спрашивать.

И что же делают все русские люди, которые хотят или, по крайней мере, говорят, что хотят устраивать хорошую жизнь народа?

Во всем рабски подражают тому, что делается в Европе и Америке.

Для устройства хорошей жизни народа они заботятся о свободе печати, о веротерпимости, о свободе союзов, о тарифах, об условном наказании, об отделении церкви от государства, о кооперативных товариществах, о будущем обобществлении орудий труда и, главное, о представительстве, о том самом представительстве, которое давно существует в европейских и американских государствах, но существование которого нисколько не содействовало и не содействует не только разрешению, но даже постановке того одного, разрешающего все затруднения земельного вопроса. Если же русские политические деятели и говорят про земельное злоупотребление, которое они почему-то называют аграрным вопросом, вероятно полагая, что это глупое слово скроет сущность дела, то говорят об этом не в том смысле, что частная земельная собственность есть зло, которое должно быть уничтожено, а в том смысле, чтобы как-нибудь, разными заплатами, паллиативами замазать, замаять, обойти эту главную, стоящую на очереди уничтожения не только в России, но во всем мире старую, жестокую, очевидную, вопиющую несправедливость.

В России, где 100-миллионная масса людей не переставая страдает от

захвата земли частными владельцами и не переставая вопит об этом, отношение людей, мнимо отыскивающих вездe, но только не там, где оно находится, средство улучшения народного быта, совершенно напоминает то, что бывает на сцене, когда все зрители прекрасно видят того, кто спрятался, и актеры должны бы видеть, но притворяются, что не видят, нарочно отвлекают внимание друг друга и видят всё, но только не то, что одно нужно, но чего они не хотят видеть.

V.

Люди загнали в загородку стадо коров, молочными произведениями которых они кормятся. Коровы подъели и сбили корм в загородке, голодают, пережевали себе хвосты, мычат и режут, просясь из-за загородки на пастбище. Но люди, питающиеся молоком коров, устроили вокруг ограды мятные, красильные, табачные плантации, развели цветы, устроили скаковой круг, парк, лаун-теннис и не выпускают коров, чтобы они не испортили их устройство. Но коровы режут, худеют, и люди начинают бояться, чтобы коровы не перестали доиться, я придумывают различные средства улучшения коровьего положения. Они придумывают навесы над коровами, вводят обтирание коров мокрыми щетками, золотят им рога, изменяют часы доения, заботятся о призоре и лечении больных и старых коров, придумывают новые усовершенствованные приемы доения, ожидают, что вырастет какая-то необыкновенно питательная трава, которую они посеяли в загородке, спорят об этих и многих других различных предметах; но не делают, не могут сделать, не нарушив всего, устроенного ими вокруг загородки, одного простого и нужного как для коров, так и для них самих, – того, чтобы сломать загородку и предоставить коровам свойственную им свободу пользоваться в изобилии окружающими их пастбищами.

Поступая так, люди поступают неблагоприятно, но есть объяснение их поступка: им жалко всего того, что они устроили вокруг загородки. Но как назвать тех людей, у которых нет ничего вокруг загородки, но которые из подражания тем, которые не выпускают коров ради всего устроенного ими вокруг нее, также держат коров в ограде и утверждают, что они делают это ради блага их коров?

Именно так поступают русские люди, как правительственные, так и антиправительственные, устраивая для не переставая страдающего от недостатка земли русского народа всякие европейские учреждения, забывая и отрицая главное – то, что одно ему нужно: освобождение земли от частной собственности, установление для всех людей одинаковых прав на землю.

Понятно, что европейские паразиты, живущие не прямо и непосредственно трудами своих английских, французских, немецких рабочих, а трудами колониальных рабочих, производящих тот хлеб, который они выменивают на свои фабричные произведения, могут, не видя трудов и страданий тех рабочих, которые кормят и содержат их,

придумывать в будущем социалистическое устройство, к которому будто бы они готовят людей, между тем с спокойным духом забавляться избирательными кампаниями, борьбами партий, парламентскими прениями, установлениями и нарушениями министерств и еще всякими другими забавами, называемыми ими науками и искусствами.

Настоящие кормильцы европейских паразитов это – рабочие в Индии, Африке, Австралии, отчасти в России; они не видят их. Но не то для нас, русских. У нас нет колоний, где бы невидные нам рабы кормили нас за наши промышленные произведения. Наши кормильцы, страдающие, голодающие, всегда перед нами, и нам нельзя перенести неправды нашей жизни на отдаленные от нас колонии, чтобы тамошние рабы кормили нас.

Наши грехи всегда перед нами.

И тут-то мы, вместо того чтобы вникнуть в нужды наших кормильцев и услышать их вопль и постараться ответить на него, мы вместо того, под предлогом служения им, точно так же готовим по европейскому образцу социалистическое устройство в будущем, а покамест занимаемся делами, которые забавляют и развлекают нас и как будто бы направлены на благо того народа, у которого вытягивают последние силы, для того чтобы содержать нас, его паразитов.

Для блага народа мы стараемся уничтожить цензуру книг, административную ссылку, устроить везде школы, простые и агрономические, увеличить число больниц, отменить паспорта, выкупы, устроить строгую инспекцию на фабриках, вознаграждать увечных, размежевать земли, содействовать через банки крестьянским покупкам земель и многое другое.

Только вникнуть в те неперестающие страдания миллионов людей народа: вымирание от нужды стариков, женщин, детей и от непосильной работы и от недостатка пищи, только вникнуть в ту закабаленность, те унижения, в те бесполезные траты сил, в то развращение, во все ужасы ненужных бедствий русского сельского народа, которые все происходят от недостатка земли, – и станет совершенно ясно, что все эти меры уничтожения цензуры, административных ссылок и т. п., которых добиваются мнимые заступники народа, если бы и были осуществлены, составят только ничтожнейшую каплю в море той нужды, от которой страдает народ.

Но мало того, что люди, озабоченные благом народа, придумывая ничтожные, неважные и качественно и количественно изменения, оставляют сто миллионов народа в неперестающем рабстве от захвата земли; мало того, многие из этих людей, самые передовые из них, желают, чтобы страдания этого народа, всё усиливаясь и усиливаясь, довели бы его до необходимости, оставив на своем пути миллионы жертв, погибших от нужды и разврата, переменить свою счастливую, привычную, любимую им, разумную земледельческую жизнь на ту усовершенствованную фабричную жизнь, которую они придумали для него.

Русский народ по своему земледельческому положению, по своей любви к этой форме жизни, по тому, что он почти один из европейских народов продолжает быть земледельческим народом и желает оставаться им, как

будто умышленно поставлен исторической судьбой так, чтобы с разрешения того, что называется рабочим вопросом, стать во главе истинно прогрессивного движения человечества. И вот этот-то русский народ призывается его мнимыми представителями и руководителями к тому, чтобы идти в хвосте вымирающих и запутавшихся европейских и американских народов и как можно скорее развратиться и отречься от своего призвания, для того чтобы быть похожим на Европейца.

Удивительна бедность мысли этих людей, не думающих своим умом и только рабски повторяющих то, что говорят их европейские образцы, но еще удивительнее сухость сердца, жестокость и лицемерие этих людей.

VI.

«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты.

Так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония». Мф. XXIII, 27, 28.

Было время, когда во имя Бога и истинной веры в Него губили людей, мучили, казнили, избивали десятки, сотни тысяч людей. Мы с высоты величия смотрим теперь на тех людей, которые делали это.

Но мы неправы. Среди нас есть точно такие же люди. Разница только в том, что те люди делали это тогда во имя Бога, ради истинного служения ему, теперь же люди, делающие такое же зло среди нас, делают это во имя «народа», ради истинного служения ему. И как среди тех людей были люди безумно, самоуверенно убежденные, что они знают истину, и были лицемеры, устраивающие свое положение под предлогом служения Богу, и была толпа, без рассуждения следующая за более бойкими и смелыми, так и теперь люди, делающие зло во имя служения народу, состоят из людей безумно, самоуверенно убежденных, что они одни знают истину, из лицемеров и толпы. Много сделали зла в свое время самозванные служители Бога, благодаря учению, которое они называли богословием; но служители народа, благодаря учению, которое они называют наукой, если сделали менее, то только потому, что еще не успели, но уже и на их совести лежат реки крови и великое разделение и озлобление людей.

И те же признаки той и другой деятельности.

Первый: распущенная, дурная жизнь большинства служителей как Богу, так и служителей народу. (Их звание исключительных служителей Бога и народа, по их понятиям, освобождает их от стеснения себя в своем поведении.)

Второй признак: совершенное отсутствие интереса, внимания, любви к

тому, чему они хотят служить. Как Бог для служителей Его был и есть только знамя, в сущности же эти служители Его и не любили Его, не искали общения с Ним, не знали и не хотели знать Его, так точно и для многих служителей народа народ только знамя, и они не только не любят его, не ищут общения с ним и не знают его, но в глубине души с презрением, гадливостью и страхом смотрят на него.

Третий признак: как те, так и другие, озабоченные одни служением всё одному и тому же Богу, а другие служением всё одному и тому же народу, не только не согласны между собою в средствах этого служения, но признают деятельность всех несогласных с ними ложною, зловредною и требующую насильственного прекращения. Отсюда костры, инквизиции, побоища первых и казни, заточения, революции, смертоубийства вторых.

И, наконец, главный, самый характерный признак тех и других – совершенное равнодушие, игнорирование того, чего хочет, требует, о чем заявлял и заявляет тот, кому они служат. Бог, которому они так усердно служили и служат, прямо и ясно высказал в том, что они признают Божественным Откровением, что служить ему нужно только тем, чтобы любить ближнего, поступать с другими, как хочешь чтобы поступали с тобою. Но они не это признавали средством служения Богу, а требовали совершенно другого, того, что они сами выдумали и выдавали за требования Бога. Точно так же поступают и служители народа; они совершенно не признают того, чего хочет и что ясно высказывает народ, и хотят служить ему тем, чего он не только не просит от них, но о чем не имеет ни малейшего понятия, но что служители народа для него выдумали, но только не тем одним, чего не переставая ждет и о чем не переставая заявляет.

VII.

Из всех необходимых изменений форм общественной жизни есть в жизни всего мира одно наиболее назревшее, такое, без которого не может быть совершено ни одного шага вперед к улучшению жизни людей. Необходимость этого изменения очевидна для всякого человека, свободного от предвзятой теории. И изменение это не есть дело одной России, а дело всего мира. Все бедствия человечества нашего времени связаны с этим делом. Мы в России находимся в том счастливом положении, что огромное большинство нашего народа, живя земельным трудом, не признает земельной частной собственности и желает и требует уничтожения этого старого злоупотребления и не перестает высказывать этого.

Но никто не видит этого, не хочет видеть этого.

Отчего это странное заблуждение? Отчего добрые, хорошие, умные люди, каковых много среди либералов, социалистов, революционеров, не исключая даже и правительственных лиц, – отчего эти люди, желая

блага народу, не видят того одного, что ему нужно, того, к чему он не переставая стремится и без чего не переставая страдает, а озабочены многими и самыми разнообразными делами, но исполнение которых без исполнения того, чего желает народ, ни в каком случае не может содействовать его благу? Вся деятельность как правительственных, так антиправительственных служителей народа подобна тому, что бы делал человек, который, желая помочь завязшей в трясине лошади, сидел бы на возу и перекладывал бы с места на место находящуюся на возу клажу, воображая, что этим он поможет делу.

Отчего это?

Ответ на этот вопрос тот же, как и на все вопросы о том, почему люди нашего времени, могущие жить хорошо и счастливо, живут дурно и бедственно.

Происходит это оттого, что люди, как правительственные, так и антиправительственные, устраивающие благо народа, не имеют религии. А без религии человек не может жить сам разумной жизнью и тем менее может знать, что хорошо, что дурно, что нужно и что ненужно для других людей. Только от этого люди нашего времени вообще, и люди русской интеллигенции в особенности, совершенно лишенные религиозного сознания и прямо с гордостью заявляющие об этом, так превратно понимают жизнь и требования того народа, которому они хотят служить, и требуют для него самых разнообразных вещей, но только не того одного, что ему нужно.

Без религии нельзя истинно любить людей. А не любя людей, нельзя знать, что им нужно, что более, что менее нужно. Только нерелигиозные люди, и потому не любящие истинно, могут придумывать ничтожные улучшения в быте народа, не видя того главного зла, от которого страдают люди и которое они сами отчасти производят. Только такие люди могут проповедывать более или менее искусно построенные, отвлеченные теории, долженствующие осчастливить народ в будущем, и не видеть тех страданий, которые несет народ в настоящем и которые требуют немедленного и возможного облегчения. В роде того, что бы делал человек, отнявший у голодного пищу, давая ему советы (и советы очень сомнительные) о том, как ему жить в будущем, не считая нужным сейчас уделить ему часть своего избытка от отнятой у него пищи.

К счастью, великие, благотворные движения в человечестве совершаются не паразитами, питающимися народными соками, как бы они ни называли себя: правительствами, революционерами, либералами, а людьми религиозными, т. е. людьми серьезными, простыми, трудящимися, живущими не для своей корысти, своего тщеславия, честолюбия, не для достижения внешних результатов, а для того, чтобы исполнить перед Богом свое человеческое назначение.

Такие люди, и только такие, своей не шумной, но твердой деятельностью двигают вперед человечество. Такие люди не будут, стараясь отличиться перед людьми, придумывают такие или иные улучшения народного быта (таких улучшений может быть бесчисленное количество, и все они ничтожны, если не сделано главного), а будут стараться жить согласно с законом Бога, с совестью и, стараясь жить

так, естественно наткнутся на наиболее явное нарушение этого закона и будут искать для себя и для других средств избавиться от него.

На-днях знакомый мне врач, дожидаясь поезда на большой железнодорожной станции в третьем классе, читал газету. Сидевший подле крестьянин спросил о новостях. В номере газеты была статья об «аграрном» съезде. Врач перевел по-русски смешное слово «аграрный», и, когда стало понятно, что дело идет о земле, крестьянин попросил прочесть. Врач стал читать, подошли еще крестьяне. Собралась кучка: одни лежали на спинах других, некоторые сидели на полу, лица у всех были сосредоточенно торжественные. Когда чтение кончилось, один из задних, старик, глубоко вздохнул и перекрестился. Человек этот, наверное, ничего не понял из того путанного жаргона, которым написана статья и который трудно понимать даже человеку, умеющему разговаривать на этом жаргоне. Он ничего не понял из того, что написано в статье, но понял, что дело идет о великом, давнишнем грехе, от которого страдали его предки, страдает и он; понял, что люди, совершающие грех, начинают сознавать его. И, поняв это, он обратился мысленно к Богу и перекрестился. И в этом одном движении руки этого человека больше смысла и содержания, чем во всей той болтовне, которая наполняет теперь столбцы газет. Человек этот понимает, как понимает весь народ, что захват земли неработающими людьми есть великий грех, от которого страдали и гибли телесно его предки, страдает телесно и он и его ближние, страдали все время духовно те, которые совершали этот грех, и те, которые теперь совершают его, и что этот грех, как всякий грех, как на его памяти грех крепостного права, должен быть, не может не быть развязан. Он знает и чувствует это и потому не может не обратиться к Богу при мысли о приближении развязки.

VIII.

«Великие общественные преобразования, – говорит Мадзини, – всегда были и будут лишь следствием великих религиозных движений».

И таково то религиозное движение, которое предстоит теперь русскому народу – всему русскому народу, как рабочему народу, лишенному земли, так в особенности крупным, средним и мелким землевладельцам и всем тем сотням тысяч людей, хотя и не владеющих прямо землей, но занимающих выгодное положение благодаря вынужденным трудам обезземеленного народа.

Религиозное движение, предстоящее теперь русскому народу, состоит в том, чтобы развязать тот великий грех, который давно уже мучает и разделяет людей не в одной России, но во всем мире.

Развязать же этот грех могут не политические реформы, не социалистические проекты в будущем, не революции в настоящем, ни еще менее филантропические пожертвования или правительственные

учреждения для покупки и раздачи земель крестьянам. Такие паллиативные меры только отвлекают внимание от сущности вопроса и этим самым задерживают разрешение его. Не нужно никаких жертв, никакой заботы о народе, нужно только сознание своего греха всеми людьми, совершающими его или участвующими в нем, и желание избавления от него.

Надо, чтобы та несомненная истина, которую всегда знали и знают лучшие люди народа, что земля не может быть исключительной собственностью некоторых и что недопущение к земле тех, которым она нужна, есть грех, стало общим сознанием всех людей, чтобы людям стало совестно удерживать землю от тех, которые хотят кормиться на ней, чтобы совестно было так или иначе участвовать в этом удержании земли от нуждающихся, чтобы совестно было владеть землей, совестно было бы пользоваться трудами людей, принужденных работать только потому, что от них отнято их законное право на землю. Нужно, чтобы было то, что было с крепостным правом, когда владеть крепостными стало совестно дворянам, помещикам, стало совестно правительству поддерживать эти несправедливые и жестокие узаконения, когда самим крестьянам стало явно, что над ними совершается ничем не оправдываемое беззаконие. То же самое должно быть и с земельной собственностью. И нужно это не для какого-нибудь одного сословия, как бы многочисленно оно ни было, а нужно это для всех сословий, не только для всех сословий и людей одного государства, а для всего человечества.

IX.

«Общественная реформа – писал Генри Джордж, – не может быть достигнута шумом и криком, жалобами и оговорами, образованием партий и устройством революций; она может быть достигнута лишь пробуждением мысли и поступательным движением в мире идей. Пока нет правильной мысли, не может быть и правильного действия, а когда есть правильная мысль, правильное действие уже само собою будет вытекать из нее.

Потому-то величайшее дело каждого человека и каждой организации людей, стремящихся улучшить общественные условия, бывает распространение идей. Всё прочее может быть полезно только постольку, поскольку оно помогает этому делу. А в этом деле может участвовать всякий мыслящий человек, сначала вырабатывая для себя правильные понятия, затем пытаясь пробудить мысль в людях, с которыми он приходит в столкновение».

Это совершенно справедливо, но для того чтобы услужить этому великому делу, кроме мыслей, должно быть и другое – религиозное чувство, то чувство, вследствие которого прошлым столетием владельцы крепостных признавали себя виноватыми и искали средства, несмотря на личный ущерб, даже разорение, избавиться от греха, который тяготил их.

Вот это чувство по отношению земельной собственности должно пробудиться в людях достаточных классов для того, чтобы совершилось великое дело освобождения земли, пробудиться в той степени, чтобы люди готовы были жертвовать только чтобы избавиться от того греха, в котором они жили и живут.

Владея сотнями, тысячами, десятками тысяч десятин, торгуя, землями, пользуясь так или иначе земельной собственностью и живя роскошно благодаря задавленности народа, происходящей от этой жестокой и явной несправедливости, толковать в разных комитетах и собраниях об улучшении крестьянского быта без жертвы своим исключительно выгодным положением, вытекающим из этой несправедливости, – есть не только не доброе, но гадкое, вредное дело, одинаково осуждаемое здравым смыслом и честностью и христианством. Не придумывать нужно хитроумные средства улучшения положения людей, лишенных их законного права на землю, но понять свой грех перед ними и прежде всего перестать участвовать в нем, чего бы это ни стоило. Только такая внутренняя нравственная деятельность каждого человека может и будет содействовать разрешению предстоящего человечеству вопроса.

Освобождение крестьян в России совершено не Александром II, а теми людьми, которые поняли грех крепостного права и старались, независимо от своей выгоды, избавиться от него; преимущественно же совершено такими людьми, как Новиков, Радищев, декабристы, теми людьми, которые готовы были страдать и страдали сами (не заставляя никого страдать) ради верности тому, что они признавали правдой.

То же должно совершиться и по отношению к освобождению земли.

Я верю, что такие люди есть теперь и что они сделают то великое, не одно русское, а всемирное дело, которое предстоит русскому народу.

Земельный вопрос дошел в настоящее время до такой степени зрелости, до которой дошел вопрос крепостного права 50 лет тому назад. Повторяется совершенно то же. Как тогда люди искали средства исправления того всеобщего недомогания, недовольства, которое чувствовалось в обществе, и прилагали всякие внешние, правительственные средства, и ничто не помогало и не могло помочь, пока оставался назревающий и не разрешенный вопрос рабства личного, так точно теперь никакие внешние меры не помогают и не могут помочь, пока не будет разрешен назревший вопрос земельного рабства. Точно так же как теперь предлагаются меры прирезок земли посредством банков и т. п., тогда предлагались и принимались паллиативные меры, инвентари, правила о трехдневной барщине и мн. др. Точно так же как теперь владельцы земли говорят о несправедливости прекращения преступного владения, говорили тогда о незаконном отнятии крепостных. Точно так же как тогда церковь оправдывала крепостное право, теперь (то, что занимает место церкви) наука оправдывает земельную собственность. Так же как тогда рабовладельцы, более или менее чувствуя свой грех, старались разными средствами, не развязывая, смягчить его и переводили с барщины на оброк, уменьшали поборы, так точно и теперь наиболее чуткие землевладельцы, чувствуя свою вину, стараются искупить ее, отдавая землю крестьянам на

наиболее льготных условиях, продавая ее через банки, устраивая для народа школы, смешные увеселительные дома, волшебные фонари и театры.

Совершенно то же и равнодушное отношение правительства к вопросу. И как тогда вопрос разрешен был не теми людьми, которые придумывали хитроумные средства облегчения, улучшения быта крепостных, а, признавая настоятельность решения, не откладывали его в будущее, не предвидели особенной трудности его, а сейчас, сразу старались прекратить зло и не допускали мысли о том, что могут быть такие условия, при которых сознанное зло должно продолжаться, и брали то решение, которое при данном положении представлялось наилучшим, – то же и теперь с земельным вопросом.

Вопрос будет решен не теми людьми, которые будут стараться смягчить зло или придумывать облегчения народу или откладывать дело в будущее, а теми, которые поймут, что, сколько не смягчай неправды, она останется неправдой и что безумно придумывать облегчения человека, которого мы мучаем, и нельзя откладывать, когда люди страдают, а надо сейчас брать наилучший способ решения и сейчас прилагать к делу. И тем более должно быть так, что способ решения земельного вопроса выработан Генри Джорджем до такого совершенства, что при существующем государственном строе и обязательных податях невозможно придумать какого-либо другого лучшего, более справедливого, практического и мирного решения.

«Чтобы уничтожить или заглушить истину, которую я пытался выяснить, – пишет Генри Джордж, – себялюбие будет искать поддержки в невежестве. Однако в истине этой заключается чудная сила прорастания, а в воздухе уже чувствуется веяние весны... Земля вспахана, семя брошено, вырастет доброе дерево. Оно еще так мало, но глаза верующего уже видят его».

И я думаю, что Генри Джордж прав, что разрешение греха земельной собственности близко, что движение, вызванное Генри Джорджем, было последней потугой и что роды вот-вот должны наступить: должно совершиться освобождение людей от тех страданий, которые они несли так долго. Кроме того, я думаю (и мне хочется и хотелось бы хоть чем-нибудь содействовать этому), что разрешение этого великого, всемирного греха, разрешение, которое будет эрой в истории человечества, предстоит именно русскому, славянскому народу, по своему духовному и экономическому складу, предназначенному для этого великого, всемирного дела, – что русский народ не опролетариться должен, подражая народам Европы и Америки, а, напротив, разрешит у себя земельный вопрос упразднением земельной собственности и укажет другим народам путь разумной, свободной и счастливой жизни вне промышленного, фабричного, капиталистического насилия и рабства, что в этом его великое историческое призвание.

Хочется мне думать, что мы, русские паразиты, вскормленные и получившие досуг для умственной работы трудами народа, пойдем наш грех и независимо от своей личной выгоды, во имя правды, которая осуждает нас, постараемся развязать его.

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

[ВАРИАНТЫ К СТАТЬЕ «ВЕЛИКИЙ ГРЕХ».]

* № 1.

Теперь у насъ въ Россіи происходитъ волненіе народа, преимущественно въ паразитныхъ слояхъ народа, изъ которыхъ самый вліятельный – такъ называемая интеллигенція. Интеллигенція, т. е. люди подъ предлогомъ услугъ, которыя они оказываютъ народу, услуживаютъ въ родѣ писаній статей, или выдаванія вредныхъ лѣкарствъ, или обученія народа ненужнымъ глупостямъ, или писаніемъ картинъ, сочиненіемъ сонатъ и произнесеніемъ за деньги рѣчей въ судѣ – все услуги, о которыхъ народъ ихъ не проситъ, живущіе грабежомъ, т. е. трудомъ народнымъ, которыхъ гораздо правильнѣе назвать паразитами, опредѣляя и по ихъ средствамъ жизни и по болѣе чѣмъ сомнительному развитію интеллекта.

* № 2.

1) Ученіе Генри Джорджа, невольно обратившее на себя вниманіе своего ясностью и силой наиболѣе въ Англіи и Америке въ 80-хъ и 90-хъ годахъ, очень скоро, особенно послѣ смерти Джорджа, остановилось въ своемъ внѣшнемъ распространеніи, стало забываться, и проложенная въ пустынь дорога все засыпается и засыпается пескомъ пустыни, т. е. пустой газетной, журнальной и профессорской болтовней, потворствующей тѣмъ, которымъ выгодна частная земельная собственность.

* № 3.

Такъ это было съ учениемъ Джорджа. Мнимая наука политической экономіи, лживыя положенія которой Джорджъ долженъ былъ разбить (что онъ и прекрасно сдѣлалъ) для того, чтобы высказать свои ясныя, понятныя и нужныя мысли, совершенно игнорируетъ Джорджа. Если же касается его положеній, то, подводя его подъ тѣ свои опредѣленія, которыя опровергнуты Джорджемъ, легко разбиваетъ его, и все это глубокое, простое ясное и нужное ученіе для слѣпо вѣрующихъ въ науку (а ихъ легіонъ, такихъ же, какихъ былъ легіонъ вѣрующихъ въ церковь) представляется какой то неудачной теоріей, вполне опровергнутой «настоящей наукой».

* № 4.

<И что же – русскіе ученые, образованные, досужіе люди ничего иного не могут придумать для народа, благомъ котораго они такъ озабочены, какъ только то, чтобы повторять бесполезную и ни къ чему не ведущую болтовню европейскихъ социалистовъ, которая, продолжаясь уже давно, не привела рабочихъ людей ни къ какимъ результатамъ и, очевидно, ни къ какимъ привести не можетъ, что уже начинаютъ понимать многіе. Русскіе интеллигенты озабочены только тѣмъ, какъ бы имъ не пропустить того, что дѣлаютъ ихъ образцы.

* № 5.

И что же – русскіе люди, тѣ самые, которые хотятъ служить народу, не только не видятъ этого и вѣрятъ, какъ въ старину вѣрили Библии и всѣмъ догматамъ церкви; «вѣрятъ» тому, что провозглашали европейскіе мудрецы Марксы, Энгельсы, Каутскіе и др., и все не видятъ для русскаго народа никакого другого средства улучшенія его положенія, какъ то, чтобы лишиться земли и, сложившись въ социалистическій союзъ, какимъ то таинственнымъ способомъ овладѣть орудіями труда и сложиться въ воображаемое социалистическое государство, и не хотятъ знать того, что хочетъ знать весь русскій народъ, но озабочены только тѣмъ, какъ бы привести весь русскій народъ какъ можно скорѣе въ то положеніе, въ которомъ находятся европейскіе народы.

* № 6.

Только отъ этого люди нашего времени вообще и люди интеллигенціи въ особенности (едва ли не болѣе всѣхъ другихъ интеллигенцій совершенно лишенные религіознаго сознанія) такъ превратно понимаютъ жизнь того народа, которому они хотять служить болѣе или менѣе искренно своей дѣятельностью, что требуютъ для него то, чего ему не нужно, и умалчиваютъ о томъ и даже считаютъ ненужнымъ то, что одно онъ считаетъ для себя самымъ нужнымъ.

Человѣкъ, не имеющій религіознаго пониманія жизни, не виноватъ въ томъ, что не понимаетъ смысла своей жизни, но такой человѣкъ долженъ понимать, что, не зная смысла своей жизни и жизни вообще, прямо заявляя об этомъ, какъ это дѣлаютъ русскіе интеллигенты, что такой человѣкъ никакъ не можетъ учить жизни тотъ самый народъ, который знаетъ смыслъ своей жизни, живетъ полной трудовой жизнью и кормитъ и содержитъ всю эту кишашую на немъ паразитную интеллигенцію, мнимо озабоченную его благомъ.

И потому улучшение положенія народа, которое не можетъ наступить безъ уничтоженія земельной собственности, никакъ не можетъ быть достигнуто агитаціями, бунтами, революціями, всѣмъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ служить народу русская интеллигенція.

Поразительнымъ доказательствомъ неразумности разрѣшенія этого вопроса можетъ служить то, что сдѣлано было большой французской революціей по отношенію земельной собственности. Земля была признана принципиально общей и насильственно отобрана отъ большихъ собственниковъ. И послѣдствія были тѣ, что нигде люди не держатся такъ жадно за земельную собственность, какъ именно во Франціи.

* № 7.

Не имѣя религіознаго сознанія, т. е. не понимая смысла жизни, они не могутъ опредѣлить того, что составляетъ истинное благо людей, что для жизни человеческой наиболее, что менѣе важно: они видятъ разныя частныя причины бѣдствій народа, но не видятъ основнаго. «Хорошо образованіе народа, хороши техническія усовершенствованія, хороша вѣротерпимость, хороши производительныя и потребительныя товарищества, хорошо и представительство и многое другое. И они ищутъ всего этого безъ внутренней связи и, главное, безъ пониманія всего того, что всѣ эти мѣры, если бы и были осуществлены, онѣ бы не улучшили положенія народа, всего народа, богатыхъ и бѣдныхъ, и сильныхъ и слабыхъ, до тѣхъ поръ, пока не будетъ уничтожена основная причина бѣдствій – несправедливость земельного захвата; точно также, какъ никакія усовершенствованія не могли улучшить положеніе народа,

среди котораго было рабство, до тѣхъ поръ, пока оно не было уничтожено.

Заблужденіе нашихъ заступниковъ народа – заблужденіе невольное, такъ какъ человекъ, не имѣющій религіознаго пониманія жизни, не виновать въ томъ, что пониманіе его ограничено. Заблужденіе ихъ въ томъ, что для нихъ вопросъ земельной собственности (въ особенности вследствие напыщенной болтовни мнимой науки политической экономіи) представляется однимъ изъ частныхъ вопросовъ въ устройстве общественно-экономической жизни, наравне съ вопросами капитала, рабочей платы, процента, дохода и т. п., тогда какъ вопросъ о земельной собственности есть прежде [всего] вопросъ нравственный, религіозный, такой же, какимъ былъ вопросъ личнаго равенства.

Земельная собственность есть прежде всего грѣхъ, ужасный грѣхъ въ христіанскомъ обществѣ, въ которомъ люди по своей вѣрѣ признають всѣхъ людей равными и братьями, грѣхъ такой, какимъ былъ грѣхъ личнаго рабства, и какъ личное рабство было губительно не только для рабовъ, но и для владѣльцевъ, такъ земельное рабство одинаково губительно и для рабовъ земельныхъ и для землевладѣльцевъ.

Вѣдь какъ только церковь своими злыми софизмами могла, успокаивая ихъ совѣсть, оправдывать землевладѣльцевъ, такъ только теперешняя наука могла своей искусной аргументаціей въ отвлеченныхъ понятіяхъ такъ запутать людей, что они совершенно не видятъ того ужаснаго грѣха, который они совершаютъ, удерживая для своихъ барышей, забавъ, удовлетворенія похоти ту землю, которая нужна рабочимъ людямъ.

* № 8.

Народъ понимаетъ, что земельная собственность не есть учрежденіе въ родѣ школьнаго закона, новыхъ податей, земскихъ насильниковъ, солдатства, паспортовъ, но есть великій грѣхъ, такой же, какимъ былъ грѣхъ крѣпостнаго права и грѣхъ не прошедшій, а настоящій, и не временный, а постоянно совершаемый. И народъ чувствуетъ этотъ грѣхъ, не можетъ не чувствовать его, потому что постоянно страдаетъ отъ него. Тоже самое было съ крѣпостнымъ правомъ, пока оно было во всей своей силѣ. Были помѣщики, которые чувствовали грѣхъ владѣнія людьми, старались уничтожить это учрежденіе, но какъ бы чутки они не были, они не могли чувствовать его такъ, какъ чувствовали его крестьяне, несмотря на сознаніе неправды владѣнія крѣпостными, и продолжали владѣть крестьянами, и совѣсть ихъ была почти спокойна. Тѣ изъ насъ, которые еще владѣли крѣпостными, не мучаются совѣстью при этихъ воспоминаніяхъ, и наслѣдники тѣхъ дѣдовъ и отцовъ, которые владели крѣпостными, легко прощаютъ ихъ за это и даже вовсе не ставятъ въ вину имъ владѣніе людьми. Но народъ, который несъ всю

ужасную тяжесть насилия, унижения, страдания, развращения крепостного права, не забыть этого времени и с отвращением и ужасом вспоминать все последствия того греха, который совершали над ним. Тоже самое и теперь с земельной собственностью.

Большинство теперешних землевладельцев не видит, не сознает, хотя всякий смутно чувствует, нельзя не чувствовать греха того зла, которое он дѣлает. Есть такие, которые чувствуют всю несправедливость этого владения землей, но стараются успокоить и успокаиваются тѣм, что все так, что нельзя иначе при теперешнем устройстве общества, или тѣм, что они приносят пользу своим культурным хозяйством, или тѣм, что дают работу народу. Так или иначе, все больше или меньше успокаиваются настолько, что продолжают владеть землей... – Но народ также, как это было в крепостном праве, не может не чувствовать в тысячу раз сильнее всю неправду этого непереставшаго, совершающагося греха. Точно также как при крепостном праве, он чувствует то насилие, которое совершалось над ним, когда его дѣтей отрывали от семьи, продавали, как товар, били, сѣкли, унижали, развращали его женщин. Точно также он чувствует это и теперь, когда вынужден работать ненужную, вредную, чужую работу только чтобы прокормить семью, когда чувствует себя в полной власти тѣх, большей частью праздных безнравственных людей, которые захватили ту часть земли, которая по вѣчному закону должна принадлежать ему, когда видит неизбежное развращение его сыновей, жен, дочерей, которые от недостатка земли бѣгут в городские вертепы разврата.

Совершающие грех могут забыть про него, он отзовется на них позже, но тот, над кем совершается грех, не может не страдать от него.

* № 9.

В России происходят теперь непереставшие волнения. Рабочие городские, слесари, ткачи, хлебопеки, портные, кучера, типографщики, железнодорожные, приказчики, все люди, получающие несравненно больше жалования и лучшее содержание, чѣм сельские рабочие, дѣлают стачки, требуют увеличения жалования, уменьшения часов работы, всякого улучшения. (Есть такие железнодорожные служащие, которые, работая шесть часов, требуют уменьшения до пяти часов.)

Забастовывают ученики школ, музыканты, живописцы, дѣвицы в институтах, не говоря уже про гимназистов и студентов. Все они забастовывают, т. е. пугают кого то тѣм, что если не исполнят их требований, то они перестанут приобретать те знания и

искусства, благодаря которым они устраиваются на шеѣ народа такъ, чтобы получать содержаніе въ десять и сто разъ больше, чѣмъ то, что получаетъ самый трудолюбивый крестьянинъ. Главныя же волненія происходятъ среди адвокатовъ, журналистовъ, бойкихъ говоруновъ – дворянъ, профессоровъ, техниковъ, докторовъ, вообще всѣхъ тѣхъ людей, которые или ничего не дѣлаютъ или дѣлаютъ очень мало и получаютъ за это очень малое и часто ненужное и даже вредное дѣло очень большое вознагражденіе, собираемое съ народа. Всѣ эти люди придумываютъ различныя, самыя многообразныя и совершенно несогласныя между собою средства осчастливленія народа: это и свобода печати, и свобода собраній, и патріаршество, и техническое обученіе, и пенсіи рабочимъ, и, главное, представительство.

Одни утверждаютъ, что для блага народа нуженъ земскій соборъ только какъ совѣщательное учрежденіе, другіе, что нужно двѣ палаты, третьи, что нужна только одна. Одни хотятъ, чтобы выборы были такіе, другіе – иные. Разсужденіямъ нѣтъ конца. Одни говорятъ, что нужна республика, другіе – конституціонная монархія, третьи отстаиваютъ самодержавіе навсегда, другіе на нѣкоторое время. Одни говорятъ, что всего можно достигнуть мирнымъ путемъ, другіе утверждаютъ что нельзя пренебрегать и немирными средствами, т. е. убійствами, что, какъ говорилъ Каіаффа, лучше погибнуть одному человѣку, чѣмъ цѣлому народу. И удивительное дѣло, люди, которые большею частью не умѣютъ распорядиться съ своимъ имуществомъ, со своей семьей, съ самими собою, люди очень сомнительной нравственности и ума, твердо, непоколебимо увѣрены въ томъ, что они знаютъ, хотя каждый по своему, несомнѣнно знаютъ, что нужно для блага 140 милліоновъ людей. Всѣ эти люди собираются отдѣльными кружками и совершенно серьезно разсуждаютъ, какъ наилучшимъ образомъ осчастливить тотъ народъ, съ котораго тѣмъ или инымъ путемъ отбирается часто его послѣднее достояніе для ихъ, во всякомъ случаѣ роскошной, въ сравненіи съ трудовой и суровой народной жизнью. Всѣ подраздѣлены на фракціи, секціи, подсекціи, группы и, совершенно какъ у настоящихъ, у нихъ есть свои «центры, правые, лѣвые, и крайніе лѣвые». Все какъ за границей. И говорятъ о томъ же, о чемъ говорятъ за границей.

Говорятъ въ умѣренныхъ кругахъ о конституціи, о всеобщей или невсеобщей подачѣ голосовъ, о министерствахъ, о подоходныхъ налогахъ, объ отдѣленіи церкви отъ государства, [въ] болѣе передовыхъ – о пенсіи рабочимъ, объ обобществленіи орудій труда. Въ самыхъ красныхъ – о томъ, какимъ способомъ какъ можно скорѣе захватить власть, какъ распорядиться съ тѣми, которые удерживаютъ ее.

Разговоры всѣ эти очень мало интересны и содержательны, такъ какъ въ нихъ нѣтъ ни одной мысли, которая не была бы десятки лѣтъ бита и перебита на всѣхъ европейскихъ собраніяхъ, парламентахъ, съѣздахъ. Все это старо и комично въ Россіи гдѣ всѣ эти разсужденія, споры и предположенія не имѣютъ никакой возможности осуществленія и были бы вполне невинны, если бы они не вызывали того всеобщаго, повального

раздраженія, озлобленія, озвѣренія, выражающагося, проявляющаяся убійствами и казнями.

Что бы подумалъ человѣкъ изъ народа, изъ настоящаго, трудового 100 миллионнаго народа, благомъ котораго такъ озабочены эти люди, если бы онъ могъ ясно понять то, что дѣлается теперь подъ видомъ служенія его благу всѣми этими волнующимися людьми? Что бы онъ подумалъ, если бы онъ услышалъ всѣ эти разсужденія о томъ, какія для его блага приняты рѣшенія на съѣздѣ журналистовъ и врачей, какъ для правильной церковной жизни народа нужно возстановленіе выборнаго начала и патріархата, какъ составилась новая партія истинно русскихъ людей, какъ известный деятель А. сдѣлалъ несколько шаговъ впередъ, а другой, столь же знаменитый дѣятель, нѣсколько шаговъ влѣво, какъ «Московскія ведомости» идутъ рука объ руку съ социаль-демократами и какъ въ Горемыкинской комиссіи решено, что для возстановленія поколебленнаго крестьянскаго быта необходимо позаботиться о размежеваніи, – чтобы подумалъ и сказалъ бы настоящій, работающій человѣкъ изъ народа, который прочелъ бы все это?

«Что же имъ больше дѣлать, сказалъ бы такой человѣкъ, одно слово: господа», однимъ этимъ обычнымъ, многосодержательнымъ, снисходительнымъ, презрительнымъ словомъ опредѣливъ всю эту дѣтскую, но только не дѣтски-невинную, самоувѣренную, озабоченную деятельность, вызываемую не нуждой, не серьезной мыслью, нравственными требованіями, а только избыткомъ тѣлеснаго удовлетворенія и праздности.

Такъ бы добродушно, насмешливо, я думаю, отнесся человѣкъ изъ народа къ людямъ, занимающимся такими разсужденіями. Но если бы онъ понялъ, что эти самыя разсужденія были причиной всѣхъ тѣхъ стачекъ, бунтовъ, разгромовъ, казней, стрѣльбы солдатъ по народу и всѣхъ тѣхъ неперестающихъ убійствъ, которыя совершаются теперь во всѣхъ концахъ Россіи, и, главное, того озвѣренія, которое охватило нѣкоторую часть русскаго населенія, онъ, вероятно, уже не снисходительно, не насмешливо отнесся бы къ этимъ господамъ, а съ омерзениемъ и ужасомъ отвернулся бы отъ нихъ и отрекся бы отъ всякой солидарности съ ними.

* № 10.

<И вотъ эти то самыя паразиты, оправдывающіеся всѣ, отъ царя до ветеринара, тѣмъ, что они служатъ народу, придумываютъ для народа всѣ возможныя блага, но только не говоря о томъ одномъ, что одно нужно русскому рабочему народу, о чемъ онъ не переставая говорить и думаетъ, отъ недостатка чего онъ постоянно страдаетъ, вырождается и вымираетъ (о томъ, что земля должна быть общей). Если и говорятъ объ

этомъ, то въ томъ смыслѣ, что это не главное, второстепенное, даже очень несущественное дѣло и что надо многое другое сдѣлать, прежде чѣмъ, между прочимъ, заняться и этимъ дѣломъ. А если и заняться этимъ дѣломъ, то совсѣмъ не такъ, какъ хочетъ народъ, а такъ, чтобы не нарушилось теченіе той пріятной жизни, которую ведутъ всѣ эти люди, озабоченные благомъ невѣжественнаго и не понимающаго своихъ интересовъ народа.>

*№ 11.

Русскій народъ не переставая просить одного: чтобы переставали позволять тѣмъ, кто не работаетъ на землѣ, отнимать ее у тѣхъ, кто кормится съ нея.

«Это онъ говорить отъ своей глупости и отъ своего необразованія, – отвѣчаетъ на это человѣкъ, живущій трудами народа и озабоченный его благомъ. – Народъ не понимаетъ того, что ему нужно. Ему нужна свобода печати, свобода вѣры. Ему нужно то, что мы называемъ наукой и образованіемъ. Ему нужно представительство. То, что онъ не читаетъ и не любитъ читать нашихъ книгъ, это не важно, важно, чтобы мы могли писать, а его мы приучимъ любить наши писанія. То, что онъ, несмотря на всякія гоненія, всегда удерживалъ свои вѣрованія и укрѣплялся въ нихъ, ничего не значить, мы желаемъ имѣть свободу проповѣдывать свои вѣры безпрепятственно. То, что онъ считаетъ ни на что не нужной глупостью, то, что мы называемъ наукой и образованіемъ, происходитъ отъ его невѣжества. Онъ будетъ любить все это, когда будетъ такимъ же, [какъ] мы. Болѣе же всего ему нужно представительство. То, что онъ не хочетъ участвовать въ грѣхахъ власти, происходитъ отъ его глупости, и мы образуемъ его. Мало того, мы устроимъ ему всеобщую фабрику, такъ что онъ будетъ жить въ городахъ и работать опредѣленные часы при электрическомъ свѣтѣ и даромъ будетъ, какъ въ богадѣльняхъ, получать всѣ необходимые и одинаковые для всѣхъ предметы», говорятъ самые передовые люди.

Да вѣдь русскій народъ весь земледѣльческій и хочетъ оставаться такимъ, зачѣмъ же ему все то, что вы предлагаете, и что можетъ быть нужно промышленнымъ народамъ?

«Это ничего не значить, – отвѣчаетъ вамъ русскій самый передовой социалистъ, – если русскій народъ еще не пролетарій, то это отъ того, что онъ отсталъ. Онъ долженъ опролетариться; самъ Марксъ сказалъ это».

Все это до такой степени глупо, что простой, неученый человѣкъ никогда не могъ бы сказать этого. Утверждать такія нелѣпости можетъ только человѣкъ, изучившій ту ужасную схоластику, которая въ наше

время называется наукой. По этой науке выходит, что жизнь человеческая складывается не по духовным свойствам людей, не по степени развития их разума и совести, а по каким-то законам, которые открыл Гегель, Кант, Спенсер, Маркс, Энгельс, и т. п. По этой-то науке освобождение земли от больших собственников теперь, сейчас не нужно, так как в будущем это освобождение произойдет само собою вместе с уничтожением всякого права собственности на орудия труда.

* № 12.

Поистинно удивительно скудоумие русских интеллигентов – паразитов, не имеющих ни одной своей мысли, ни одного своего вывода из своего наблюдения и имеющих только рабски повторять то, что говорят европейские интеллигенты – паразиты. Удивительно это скудоумие, но еще удивительнее сухость сердца, жестокость и лицемерие этих людей.

* № 13.

Только человек, который имеет всегда право и возможность сказать: «еще горшок, да самый большой», жить на земле, кормиться своими трудами, только такой человек может быть истинно независим и быть избирателем, представителем и, главное, – выразителем воли народа. Пока же народ будет в том земельном рабстве, в котором он находится теперь у нас и во всей Европе, никакая конституция не обеспечит его прав. Конституция обеспечит право достаточных, праздных, паразитных сословий, но не права народа. [2]

* № 14.

Точно также с освобождением земли упраздняется и весь тот сложный рабочий вопрос, который пытаются разрешить социалисты. Совершится только этот переворот и получат рабочие люди возможность жить на земле и променять фабричный зависимый, нездоровый труд на самый свободный, естественный и радостный труд, и не будет никакой надобности обобществлять орудия труда и регулировать труд и

вознаграждение. Рабочие или сами заведут свои орудия труда или поставят свои условия капиталистам.

*№ 15.

Россия переживает знаменательное время: не имея никакого оправдания, губительная для богатства и для жизни русских людей война с сплошными, позорными поражениями, без единой победы, всеобщая смута, стачки, буйства, политические убийства, братоубийственные бои, надвигающийся голод, всеобщее вырвавшееся наружу, долго подавленное недовольство всех сословий, даже чиновничества, невольное упорство правительства или скорее правительственных лиц, понимающих опасность своего положения и, отстаивая существующее устройство, борющихся за свою жизнь, разнузданность поднимающих голову самых жестоких, безнравственных частей общества и всеобщее озлобление увлеченных борьбой людей – все это явные, внешние признаки переживаемого Россией кризиса.

Кризис наступил в России, но я думаю, что причины его существуют и в жизни всех христианских, цивилизованных народов, только находятся там еще в скрытом (латентном) состоянии. Естественно, что в России люди достаточных классов, свободные от необходимости труда для пропитания себя и своих семей, особенно живо отзываются на происходящие теперь в России волнения. Люди эти, считая себя призванными заботиться о благе всего русского народа, придумывают и предлагают различные средства улучшения его положения. Людям этим естественно представляется главным злом, подлежащим исправлению, то зло, которое они испытывают на себе и на более заметном для них сословии городских рабочих. Зло это они видят в грубом самовластии правительства, в особенности в тех насилиях, от которых страдают они, люди достаточных классов, и близкие к ним люди – городские фабричные рабочие: в стеснениях печати, преподавания, в гонениях за веру, в ограничении для Евреев черты оседлости, вообще в необезпеченности личной свободы. Наилучшим средством для исправления этих зол людям достаточных классов естественно представляется применение в России тех самых учреждений, которые в Европейских государствах, ограничивая власть правительству обеспечивают личную свободу людей достаточных классов и городских и фабричных рабочих. Так думают либералы и умеренные революционеры. Также думают и революционеры – социаль-демократы, надеющиеся через народное представительство с помощью государственной власти осуществить соответственное своей теории новое общественное устройство. Все эти люди, хотя и несогласные между собой, имеют одну общую черту. Все они, обсуждая благо народа, имеют в виду только малую часть его: достаточные классы и городских рабочих, а

не огромную массу земледѣльческаго населенія, и потому направляютъ свои усилія противъ внѣшнихъ проявленій зла: на безконтрольность правительства, на гоненія за вѣру, за національность, за убѣжденія, на стѣсненія печати, запрещенія союзовъ и т. п., не вникая въ основныя причины зла. Поступая такъ, эти люди дѣлаютъ тоже, что дѣлалъ бы человекъ, снимая верхній слой загнивающегоъ тѣла, не заботясь объ измѣненіи условій, въ которыхъ находится самое тѣло.

Я думаю, что причины того бѣдственнаго положенія, до котораго доведена Россія, лежатъ не въ безконтрольности власти, не въ политическихъ и религіозныхъ гоненіяхъ и жестокостяхъ, не въ запрещеніи печати, союзовъ, и т. п., а гораздо глубже, — что всѣ эти явленія происходитъ отъ основнаго, главнаго зла, развращающаго и мучающаго всѣхъ людей русскаго народа, точно также какъ и большинство людей европейскихъ народовъ. Думаю, что если бы коренное зло было исправлено, исчезло бы само собою и все то зло, которое терпятъ теперь достаточные классы и городскіе рабочіе; исчезла бы, я думаю, и большая часть тѣхъ достаточныхъ, паразитныхъ классовъ и городскихъ рабочихъ, интересы которыхъ представляются теперь самымъ главнымъ.

И потому намъ, русскимъ, въ такую минуту, какъ теперешняя, когда чувствуется совершенная невозможность возвращенія къ старому и неизбѣжная необходимость измѣненія строя жизни, намъ, русскимъ, было бы непростительно грѣшно съ нашимъ особеннымъ отъ большинства европейскихъ народовъ матеріальнымъ и духовнымъ складомъ жизни ограничиться ничтожными паліативами въ видѣ введенія тѣхъ самыхъ формъ, которыя введены въ передовыхъ государствахъ Европы и уже явно показали свою несостоятельность, а не постараться, вникнувъ въ сущность дѣла, воспользоваться нашимъ положеніемъ и совершить тотъ коренной переворотъ въ строѣ жизни, необходимость котораго особенно рѣзко чувствуется въ наше время во всемъ мірѣ и вполне сознается и требуется огромнымъ большинствомъ всего 100 милліоннаго трудового земледѣльческаго русскаго народа.

Переворотъ этотъ есть прекращеніе непрерывающаго ограбленія земельными собственниками рабочихъ людей, лишенныхъ своего неотъемлемаго естественнаго права на землю, возстановленіе равнаго права всѣхъ людей на пользованіе землей.

Я думаю и высказывалъ нѣсколько разъ мысль о томъ, что жизнь народа слагается не вслѣдствіе внѣшнихъ формъ, которыя могутъ быть наложены на него внѣшними вліяніями, а внутренней дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, и что поэтому въ этой внутренней дѣятельности — главное дѣло cadaго человека. Я думаю такъ и теперь.

Вызвана же эта моя статья желаніемъ указать людямъ въ то особенное время, которое переживаетъ теперь Россія, которое очевидно должно привести къ новымъ формамъ жизни, — въ чемъ главное зло, отъ котораго страдаютъ теперь милліоны людей, и на что должна быть направлена дѣятельность людей, искренно желающихъ служить

человѣчеству.

* № 16.

Россія, какъ я думаю, переживаетъ въ настоящую минуту тотъ кризисъ, причины котораго существуютъ въ скрытомъ (латентномъ) состояніи во всѣхъ христіанскихъ государствахъ и которыя рано или поздно, по всѣмъ вѣроятіямъ, очень скоро должны вызвать тѣ же самыя явленія.

Россія, какъ я думаю, занимаетъ теперь, въ началѣ 20 вѣка, въ исторіи то самое мѣсто, которое занимала Франція въ концѣ 18 вѣка, въ началѣ великой революціи. Какъ французскій народъ того времени своими страданіями выработалъ тѣ новыя основы жизни, которыми потомъ жили и теперь живутъ христіанскіе народы, также, я думаю, предстоитъ теперь и русскому народу своими страданіями освятить дальнѣйшій путь жизни христіанскаго человечества.

Въ этомъ, я полагаю, значеніе совершающихся въ настоящее время въ Россіи великихъ событій.

—

Комментарии Н. К. Гудзия

Приводимые в комментарии цитаты из неопубликованных дневников и записных книжек Толстого извлекаются из автографов, хранящихся в Архиве Толстого во Всесоюзной библиотеке имени Ленина и в Государственном Толстовском музее. Выдержки из неопубликованных писем Толстого и к Толстому извлекаются также из автографов, хранящихся в различных рукописных собраниях. Сокращенные ссылки, делаемые при этом, как и в других случаях, означают: АТБ – Архив Толстого во Всесоюзной библиотеке им. Ленина, АЧ – Архив В. Г. Черткова, хранящийся в Государственном Толстовском музее и частично у В. Г. Черткова, ГТМ – Государственный Толстовский музей, ИРЛИ – Институт русской литературы Академии наук СССР.

«ВЕЛИКИЙ ГРЕХ».

Статья «Великий грех» создавалась в результате скрещения двух замыслов. 16 апреля 1905 г. Толстой записывает в Дневник: «Всё это время болею сердцем... от этого и не мог работать. А очень хочется и изложение веры и о Генри Джордже, которого прочел по Николаеву и вновь восхищен». А 17 апреля он уже пишет Черткову о том, что им «пишется... о заступниках народа и о несправедности земельной собственности и Генри Джордже» (АЧ). 21 апреля Толстой вновь записывает в Дневник: «Начал писать «Народные заступники». Недурно. И Генри Джорджа». В дальнейшем обе статьи были объединены под заглавием «Великий грех». В части своих неопубликованных записок Д. П. Маковицкий под 28 апреля сообщает, что в этот день Толстой нескольким лицам читал «Великий грех». 4 мая в Дневнике Толстым отмечается, что им статья окончена. Однако 19 мая в Дневник заносится следующая запись: «Не писал больше двух недель... Поправлял всё это время «Великий грех» и всё еще не кончил». 24 мая там же записано: «Всё это время исправлял, дополнял «Великий грех». Кажется, кончил».

24 мая в Ясную поляну приехал из Англии Чертков, который предложил Толстому сделать в статье ряд сокращений. Толстой принял эти сокращения, как и некоторые немногочисленные поправки Черткова. 6 июня он записывает в Дневник: «Сократил «Великий грех», выбросил многое. Мне жалко». Наконец, под 18 июня в Дневнике записано: «Написал только вступление к «Великому греху» и несколько ничтожных писем». Под 1 июля Д. П. Маковицкий сообщает в своих записках, что Толстой дал переписать статью своей дочери Марье Львовне Оболенской и сам хочет свезти ее на почту для отправки в «Русскую мысль».

К этому времени была закончена вторая редакция вступления, отменившая первую, уже набранную Чертковым для издания «Свободного слова» и присланную Толстому в корректурных гранках. 8 июля н. с. Чертков сообщает Толстому о получении им вступления и, посылая корректуру его, предлагает сделать в нем несколько изменений (АТБ). 2 июля Толстой в ответ на это письмо пишет Черткову: «Задержал два дня вашу корректуру... Всё не мог найти что нужно. Теперь посылаю и надеюсь, что не потребуется поправок. Очень занят другим» (АЧ).

В результате исправления корректуры получилась новая редакция вступления, на которой закончилась работа над статьей.

К «Великому греху» относятся следующие рукописи, хранящиеся в ГТМ (АЧ, папка 82) (все рукописи, за исключением описанной под № 7) и в АТБ (папка XXXII) (рукопись, описанная под № 7).

1. Автограф, написанный в «Синем альбоме» (из архива А. Л. Толстой) на лл. 70–76, исписанных с обеих сторон. Заглавие – «Народные заступники». Начало: «Мф. XXIII, 27, 28 (Выписать). Было время, когда». Конец: «и этимъ заперли его, поработили его». Текст соответствует последовательно главе шестой окончательной редакции, главе первой редакции, представленной рукописями №№ 4 и 5, затем исключенной, и главе первой окончательной редакции, в рукописях №№ 4 и 5 бывшей второй. В тексте, соответствующем первоначальной первой (исключенной) главе читается вариант, который печатаем отдельно под № 1.

Текст, соответствующий шестой главе окончательной редакции, довольно близок к ней, текст же, соответствующий первой главе той же редакции, значительно кратче ее.

2. Рукопись на 13 листах в 4° (два последние – почтового формата), исписанная большей частью о одной стороны рукой М. Л. Оболенской, Ю. И. Игумновой, на пишущей машинке (все – с поправками рукой Толстого) и рукой Толстого. На первых 11 листах копия автографа, описанного выше, со включением выдержки из письма крестьянина, относительно которой в автографе была сделана лишь пометка «выписать отчеркнутое»; на обороте одиннадцатого листа и на следующих двух – продолжение текста копии, написанное рукой Толстого. Заглавие «Народные заступники» зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написано новое – «Великій грѣхъ». Начало: «Мф. XXIII, 27, 28. Горе вамъ, книжники и фарисеи». Конец: «нарушающее самое простое чувство справедливости жестокое влодѣйство». Текст автографа–продолжения по содержанию соответствует большей частью тексту четвертой и девятой глав окончательной редакции. В копии одна четвертушка пропала, две же извлечены из нее и перенесены в рукопись, описанную под № 4.

Исправления, сделанные в копии, многочисленны. Отметим лишь существенное.

Следующая после слов: «Но мы не правы», стр. 222, строка 27, (глава шестая окончательного текста) фраза:

Люди, творившіе эти дѣла, были и образованными (по тому времени) и умными и даже добрыми сердцемъ люди. Они не видѣли своего заблужденія и думали, что иначе нельзя. Раввѣ не то же самое дѣлается среди насъ людьми также считающими себя образованными и умными и даже добрыми?

исправлена так:

Люди, творившіе эти дѣла, были интеллигенты того времени, и они были вполне увѣрены, что иначе нельзя. То же самое и съ нашей интеллигенціей.

В самом начале исключенной первой главы, после слов «рабочие всякого рода» зачеркнуто: «подъ вліяніемъ мутящихъ ихъ паразитовъ» и далее также зачеркнуты аналогичные фразы о упоминанием «паразитов».

После слов: «Что бы подумал и сказал бы настоящий работающий человек?», стр. 470, строка 7, зачеркнуто:

Онъ подумаль бы, что это или сумасшедшіе или лгуны. И такое его рѣшеніе было бы недалеко отъ правды для большинства паразитовъ, защитниковъ народа.

3. Рукописный материал, заключающий в себе 446 бумажных единиц различного формата и величины (полулисты, четвертушки писчей бумаги, цельные и склеенные из нескольких частей, полулисты и листы почтовой

бумаги, отдельные полосы, вырезанные из четвертушек). Весь этот крайне спутанный материал, состоящий из разрозненных частей автографов и копий, переписанных рукой Ю. К. Игумновой, М. А. Шмидт, А. Л. Толстой, Д. П. Маковицкого и на машинке и исправленных рукой Толстого, не может быть распределен в последовательном хронологическом порядке. Многие здесь утрачено, кое-что вошло в состав рукописей, описанных под № 4 и 5. Между отдельными главами, к которым этот материал относится или примыкает, он приблизительно распределяется так. К исключенной первой главе относится 19 листов, к другой исключенной главе – 22 листа. К первой главе в ее окончательной редакции – 23 листа, ко второй 28, к третьей – 69, к четвертой – 54, к пятой – 47, к шестой – 7, к седьмой – 73, к восьмой – 30, к девятой – 70.

Выбираем из этого материала наиболее значительные разночтения и варианты.

В начале первой, затем исключенной главы читаем:

Волнения эти происходят преимущественно среди городских рабочих, составляющих ничтожный процент русского народа, и преимущественно среди того класса людей, которых принято называть интеллигенцией, но которых гораздо правильнее называть паразитами по несомненному паразитическому способу их существования, чья интеллигенцией, в виду очень сомнительного развития их интеллекта.

После слов «которые, работая шесть часов, требуют уменьшения до пяти часов», стр. 468, строки 26–27, в той же главе зачеркнуто:

Также требуют улучшения своего положения все те паразиты (так называемая интеллигенция), которые живут или готовятся жить трудами народа под предлогом оказания народу всякого рода услуг (в род обучения его всякого рода вредным глупостям, устройению для него музеев, клиник, консерваторий и т. п.)

После слов «не говоря уже про гимназистов и студентов», стр. 468, строки 29–30, было написано:

те самые люди, которые высасывают сок из народа или готовятся к этому высасыванию. Все они забастовывают, т. е. пугают кого то тем, что если не исполнять их требований, то они перестанут высасывать народ или готовиться к этому, все требуют изменений, улучшения своего положения. Кроме того,

[3] в разных местах происходят убийства правительственных лиц [4] и убийства городских и сельских жителей правительственными войсками. Убивают, вшают, не работают, голодают, и [5] заступники народа радуются и придумывают различные, совершенно не согласные между собою средства осчастливления народа.

После слов «и совершенно серьезно рассуждают, как», стр. 469, строки 15–16, зачеркнуто:

они, жалкіе паразиты народа, высасывающіе и разоряющіе его, наилучшимъ образомъ осчастливятъ этотъ народъ. И еще удивительнѣе то, что какъ только соберутся въ теперешнее время люди, будь они врачи или техники, они тотчасъ же, вместо того чтобы говорить о бактеріяхъ или двигателяхъ, начинаютъ разсуждать о той или иной формѣ правленія и тѣхъ или иныхъ мѣрахъ осчастливленія того народа, который они не переставая давятъ своимъ существованіемъ.

После слов «трудоого 100–миллионного народа», стр. 469, строка 41, зачеркнуто:

т. е. огромнаго большинства того народа, на которомъ растутъ и расползаются эти сосущіе его паразиты.

После слов «одно слово: господа», стр. 470, строка 10, зачеркнуто:

Все это с жиру.

После слов «того озверения, которое охватило», стр. 470, строка 22 зачеркнуто:

большинство фабричнаго, городскаго населенія и въ особенности интеллигенцію» и заменено словами: «некоторую часть русскаго населенія.

Наконец, вычеркнута выдержка из письма крестьянина, в котором он жалуется на то, что при охватившем всех стремлении улучшить свое положение забыта лишь стомиллионная крестьянская масса.

Во второй главе – ряд цитат из Генри Джорджа, неиспользованных в окончательной редакции статьи.

К третьей и четвертой главам относятся варианты, которые печатаем отдельно под №№ 2 и 3.

К исключенной, первоначально шестой главе (см. окончательный текст ее в вариантах, напечатанных отдельно) относятся варианты, которые печатаем под 4 и 5.

К седьмой главе относятся варианты, напечатанные под №№ 6, 7, 8, первые два – к началу главы, третий – к концу ее.

4. Рукопись на 78 нумерованных листах в 4°, из которых большинство склеено из нескольких полос; часть листов урезана. Написана на пишущей машинке, рукой Ю. И. Игумновой, М. А. Шмидт, Д. П. Маковицкого и А. Л. Толстой, с поправками рукой Толстого. Полный текст «Великого греха», поделенный на двенадцать глав, причем в конце статьи расположение текста не соответствует его расположению в окончательной редакции. В некоторых местах рукой В. Г. Черткова сделаны поправки синим и красным карандашом. Видимо, его же рукой

взяты в квадратные скобки текст первой и шестой глав, а также два места из конца глав второй и седьмой. Поправки Черткова таковы. В четвертой главе (третьей в окончательной редакции) перед словами «необыкновенного человека», стр. 215, строки 21–22, вписано «этого самого»; в седьмой главе (пятой в окончательной редакции) перед словами «озабоченные благом», стр. 221, строка 29, зачеркнуто слово «мнимо»; в той же главе слова «эти люди» исправлено на «многие из этих людей», стр. 221, строка 32; в восьмой главе (шестой в окончательной редакции) перед словами «служителей народа», стр. 223, строка 6, вписано слово «многих».

5. Рукопись на 60 нумерованных листах в 4°, написанная на пишущей машинке и в двух местах рукой М. А. Шмидт, с поправками рукой Толстого. Часть листов склеена из нескольких частей. На обороте одного листа написан рукой Толстого карандашом один абзац, переписанный на машинке и введенный в текст. Текст рукописи поделен на одиннадцать глав и восходит к тексту предыдущей рукописи, причем некоторые листы и части листов, будучи исправлены, были вновь переписаны и исправлены. Главы первая и шестая – по первоначальному счету – взяты в квадратные скобки и зачеркнуты поперек текста синим карандашом, видимо, рукой Черткова. Так же зачеркнут конец второй главы – всё то, что в рукописи, описанной под № 4, было взято в квадратные скобки. Конец первоначальной седьмой главы, также взятый в квадратные скобки, переделан Толстым и вновь переписан рукой М. А. Шмидт. В текст введены синим карандашом рукой Черткова те же поправки, какие введены были им и в текст рукописи, описанной под № 4. Сбоку эпиграфа из Евангелия, открывающего восьмую (в окончательной редакции шестую) главу написано рукой Черткова: «Это лучше не в виде эпиграфа, а просто в строку» и сбоку этого замечания поставлен вопросительный знак. После исключения двух глав статья оказалась поделенной на девять глав, причем в последних главах сделана перегруппировка текста сравнительно с рукописью № 4. Исправления, сделанные в рукописи рукой Толстого, сравнительно немногочисленные, – преимущественно стилистического характера. Всё исключенное по инициативе Черткова и с согласия Толстого (первая глава, конец второй, шестая и конец седьмой – по первоначальному счету) печатаем в вариантах (№№ 9–12).

6. Рукопись на 32 нумерованных листах тонкой копировальной бумаги, написанная на пишущей машинке. Копия предыдущей рукописи, в которой отсутствуют вычеркнутые в ней главы и части глав и введены поправки, сделанные Чертковым, за исключением слова «самого» (в эпитете, прилагающемся в третьей главе к Генри Джорджу: «самого необыкновенного человека» стр. 215, строка 21). Слово это зачеркнуто самим Чертковым. Им же зачеркнуты после слов «сухость сердца, жестокость», стр. 222, строки 13–14, слова «и лицемѣrie». Кроме того, рукой А. Л. Толстой и Черткова исправлено несколько неточностей, вкравшихся при переписке. Поправок рукой Толстого нет. Данная рукопись заключает в себе текст «Великого греха», переданный Черткову для напечатания. С копии этой рукописи, видимо, производился набор заграничного издания статьи. На обороте последнего ее листа рукой А. Л. Толстой написано: «Последняя редакция, привезенная В. Г.

[6] Июнь 1905».

7. Автограф на 3 листах большого почтового формата, исписанных с одной стороны. Вступление к статье. Начало: «Россія переживаетъ тяжелое, знаменательное, богатое великими послѣдствіями время». Конец: «и въ такую минуту, какъ теперешняя». В дальнейшем текст автографа подвергся ряду исправлений.

8. Рукопись на 3 листах тонкой копировальной бумаги, написанная на пишущей машинке, с многочисленными исправлениями рукой Толстого. Исправленная Толстым копия автографа. Из вариантов следует отметить лишь один, относящийся к концу главы и в следующей копии зачеркнутый (№ 13).

9. Рукопись на 4 нумерованных листах тонкой копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, о многочисленными поправками рукой Толстого. В двух местах, очевидно под диктовку автора, исправления сделаны рукой А. Л. Толстой. Его же рукой карандашом написано заглавие «Великий грех». Вновь исправленная копия предыдущей рукописи. В конце рукописи написан и затем зачеркнут вариант, который печатаем под № 14.

В самом начале статьи в словах «безсмысленная, не имѣющая никакого оправданія, губительная для богатства, и для славы, и для жизни русскихъ людей война» слова «бессмысленная» и «для славы» зачеркнуты.

10. Рукопись на 3 листах копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Исправленная копия предыдущей рукописи. Рукой В. Г. Черткова вслед за заглавием карандашом написано: «Вступление»; его же, повидимому, рукой в словах «война съ сплошными, позорными пораженіями» зачеркнуто слово «позорными» и сделана одна стилистическая перестановка. Вслед за машинописным текстом рукой Ю. И. Игумновой написано начало первой главы статьи. Текст вступления по этой рукописи послан был В. Г. Черткову в Англию для напечатания. Печатаем его в вариантах в том виде, как он был отредактирован Толстым (№ 15).

11. Корректурa вступления, набранная для газеты «Свободное слово» по тексту предыдущей рукописи, на двух гранках с широкими полями. Большинство набранного текста зачеркнуто и вместо него рукой Толстого написан новый на полях, также частью зачеркнутый, и на отдельном полулисте почтового формата. Из поправок следует отметить две. В конце первого абзаца слова «переживаемого Россіей кризиса» зачеркнуты и вместо них написано: «какого то надвигающагося и неустраимаго великаго переворота»; затем на отдельном полулисте – вариант, относящийся к началу вступления и печатаемый нами под № 16.

12. Рукопись на 3 листах тонкой копировальной бумаги большого

почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Кроме того, на четвертушке писчей бумаги вставка–автограф. Исправленная копия рукописи, описанной под № 8. Поправки приближают текст рукописи к окончательной редакции вступления.

13. Рукопись на 5 листах (4 – формата большого почтового листа и 1 – четвертушка писчего листа). На трех листах копия предыдущей рукописи, написанная с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой; в двух местах вклеены полюсы бумаги с машинописным текстом; недостающий первый лист перенесен в следующую рукопись. На четвертом листе, исписанном рукой Толстого с обеих сторон, и на четвертушке, исписанной его же рукой с одной стороны, – вставки к рукописи.

14. Рукопись на 6 листах большого почтового формата, исписанных с одной стороны рукой Ю. И. Игумновой, с поправками рукой Толстого. Кроме первого листа, перенесенного сюда из предыдущей рукописи, все остальное – исправленная копия рукописи, описанной под № 11. В результате многочисленных авторских исправлений текст вступления очень приблизился к его окончательной редакции.

15. Рукопись на 3 листах в 4°, написанная на пишущей машинке и исправленная рукой Толстого. Текст вступления. Восходит к предшествующей рукописи, но не непосредственно. На оборотной стороне первого листа карандашом рукой Толстого написано дополнение, на следующем листе введенное в машинописный текст.

16. Рукопись на 2 листах копировальной бумаги большого почтового формата, написанная на пишущей машинке, с поправками рукой Толстого. Исправленная копия предыдущей рукописи. Окончательная редакция вступления. Рядом с заглавием рукой А. Л. Толстой написано «Вступление». В конце статьи ее же рукой написано: «Июль 1905» и на обороте второго листа – «Последний вариант».

В начале июля 1905 г. статья была отправлена через Н. В. Давыдова в «Русскую мысль». В своих записках от 11 июля Д. П. Маковицкий сообщает, что в этот день Толстому была доставлена корректура статьи. В июле же Толстой писал редактору «Русской мысли» В. А. Гольцеву о том, что отправляет ему корректуру без изменений, и просил взамен набранного предисловия, написанного первоначально, напечатать другое, которое 2 июля было послано Черткову и корректуру которого Чертков должен был выслать Гольцеву (ГТМ). Тут же Толстой просил Гольцева восстановить два места, пропущенные в корректуре, – какие именно, не знаем, так как корректура «Русской мысли» до нас не дошла.

Статья появилась в июльском номере «Русской мысли»

[7] за 1905 г. с редакционным примечанием, оговаривающим расхождение

редакции с автором по существенным и важным вопросам, и была перепечатана в том же году отдельной брошюрой издательством «Посредник», в июле же месяце она была напечатана в английском переводе в газете «Times». Через некоторое время, в том же 1905 г., статья появилась и в издании «Свободного слова» (№ 98) с заглавием «Великий грех» и с подзаголовком «О земельной собственности». К девятой главе редакцией сделано пояснение. В основу издания положен был текст рукописей, описанных под №№ 6 и 16.

Текст статьи, напечатанный в «Русской мысли», в некоторых местах отличается от текста рукописей, описанных под №№ 6 и 16, и от текста «Свободного слова». Отличие от текста обеих указанных рукописей, легших в основу издания «Свободного слова», может объясняться, во-первых, тем, что, как видно из записи Маковицкого, в «Русскую мысль» была послана несохранившаяся рукопись, переписанная рукой М. Л. Оболенской. В этой рукописи могли быть сделаны рукой Толстого кое-какие исправления (корректуры статьи, как видно из письма к Гольцеву, Толстой не правил и, следовательно, в ней не могли быть сделаны исправления). Во-вторых, при наборе и редактировании статьи в «Русской мысли» могли быть сделаны сознательные или бессознательные пропуски. К числу пропусков в тексте «Русской мысли» относится третий абзац вступления – «Так думают либералы...» и две фразы, относящиеся к третьей главе: «и, казалось, что истина... форму выражения», стр. 215, строки 37–38, и «так что среди большинства... только по имени», стр. 217, строки 9–11. Возможно, что эти две последние фразы и имел в виду Толстой, когда в письме к Гольцеву просил восстановить два места, пропущенные в корректуре и в тексте однако не восстановленные.

[8]

Далее – первый абзац первой главы в тексте «Русской мысли» читается несколько иначе, чем в рукописях, описанных под №№ 4, 5, 6 и в тексте «Свободного слова». Здесь, между прочим, прошедшее время всюду изменено настоящим. Вместо написанного в рукописях «На дняхъ я шель по большой дорогѣ въ Тулу. Это было въ вербную субботу. Народъ обозами ѣхаль на базаръ» – в тексте «Русской мысли» читаем: «Иду в вербную субботу по большой дороге в Тулу. Народ обозами едет на базар»; вместо «такъ они были худы» – «так они худы»; вместо «такую же худую облѣзшую корову» – «худую, облешую корову». Во второй главе, стр. 213, строка 2, вместо «плодотворными» – «плодородными». В седьмой главе, стр. 225, строка 8, после слов «придумывать ничтожные» исключено слово «неважные». В девятой главе, стр. 228, строки 1–3, вместо «величайшимъ дѣломъ... это распространение» – «величайшее дело... бывает распространение». Все эти отличия текста «Русской мысли» от текста рукописей, в частности рукописи, описанной под № 6, относим на счет возможных исправлений, сделанных Толстым в копии, переписанной М. Л. Оболенской.

Что касается текста «Свободного слова», также не просмотренного в корректуре Толстым, то помимо нескольких незначительных стилистических и словарных исправлений, в нем читаются еще следующие поправки, сделанные Чертковым. В главе четвертой после слов «делают люди современного», стр. 217, строки 30–31, добавлено слово «христианского». В пятой главе после слова «жестокость», стр. 222, строка 41, исключено слово «лицемерие»; там же перед словами «из лицемеров и толпы», стр. 222, строки 37–38, вставлены слова «и также». Кроме того, Чертковым в девятой главе сделаны две правильные конъектуры к рукописной копии, отсутствующие в тексте «Русской мысли»: стр. 229, строка 26, «тогда» вместо «теперь», и стр. 229, строка 28, «с барщины на оброк» вместо «с оброка на барщину».

Вслед за напечатанием «Великого греха» отдельной брошюрой, в № 17–18 газеты «Свободное слово» был напечатан первый – корректурный вариант вступления к «Великому греху», озаглавленный «Необходимый переворот. Из неизданных писаний Л. Н. Толстого». В основу издания был положен текст рукописи, описанный под № 10, однако о несколькими изменениями, которые Чертков предлагал Толстому в письме от 8 июля н. с.

Помимо того что были исключены слова «позорными», стр. 472, строка 27, и «Такъ же думаютъ и революціонеры – социаль-демократы», стр. 473, строки 25–26, фраза «всѣ эти явленія происходятъ отъ основного, главнаго зла», стр. 473, строки 44–45, была исправлена так: «все эти явления связаны с основным, главным злом». Это исправление было мотивировано Чертковым в письме от 8 июля н. с. так: «Происходят» в этом случае слишком сильно сказано, так как само зло земельной собственности происходит от еще гораздо более основного зла: человеческого эгоизма. Если же сказать: «связанное с», то мысль сохраняется, а крайность утверждаемая устраняется» (АТБ). Что же касается абзаца, начинающегося словами «Я думаю и высказывал несколько раз», стр. 474, строка 24, то он выделен из вступления и напечатан после него с редакторским пояснением. Необходимость исключения этого абзаца из корпуса статьи в том же письме мотивировалась Чертковым тем, что абзац этот, утверждающий независимость жизни народа от внешних форм, стоит в противоречии со всем предыдущим, где утверждается необходимость внешнего изменения форм пользования землей.

В августе 1905 г. Толстой писал Черткову о том, что С. А. Толстая хочет издать отдельным томом статью «О Шекспире и о драме» вместе с «Великим грехом» и новыми рассказами. «Это одно средство пропустить «Великий грех» в России» – добавляет он (АЧ). Но издание это не осуществилось. Впервые в собрании сочинений Толстого «Великий грех» по тексту «Русской мысли» (из «Посредника») был напечатан в 1911 г., в шестнадцатой части двенадцатого издания (конфискована).

Печатаая в настоящем издании «Великий грех» по тексту «Русской мысли», вводим в него из рукописи, описанной под № 16, сверенной о другими, пропущенный абзац во вступлении, а также две указанные выше фразы, пропущенные в третьей главе. Принимаем обе конъектуры, введенные Чертковым в текст девятой главы, и исправляем явные опечатки, вкравшиеся в текст статьи.

Примечания.

Стр. 211–214, 227–228, 230. Все остальные цитаты из Генри Джорджа, так же как и первая, оговоренная, взяты из его книги «Избранные речи и статьи» в переводе С. Д. Николаева, издание «Посредника», М. 1904, стр. 146, 147, 148, 149, 150, 151, 64, 43.

Стр. 216, строки 31–34. Цитата из биографии Генри Джорджа, составленной С. Д. Николаевым и напечатанной в книге «Избранные речи и статьи Генри Джорджа», стр. 12.

Стр. 225, строка 36 – стр. 226, строка 5. Речь идет о Д. П. Маковицком, читавшем на станции Туле не статью об аграрном съезде, а статью Толстого. „О разрешении земельного вопроса по проекту «Генри Джорджа», помещенную в газете «Вечерняя почта», № 117, от 20 апреля 1905 г. и представляющую собой извлечение из статьи Толстого «К рабочему народу» (См. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Запись 25 апреля 1905 г.).

Стр. 226, строки 28–30. Перефразированная и сокращенная цитата, заимствованная из брошюры «Избранные мысли Иосифа Мадзини». Собрал Л. П. Никифоров. Издание «Посредника», М. 1905, стр. 5, мысль 4–я.

Стр. 469, строки 7–9. Евангелие от Иоанна, XVIII, 14.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

В настоящий том входят произведения, написанные Толстым в период 1904–1906 гг. Художественные произведения, напечатанные в этом томе, не только не получили окончательной авторской отделки, как и все так называемые «посмертные произведения», но и в большей своей части (три из пяти) не закончены. Печатаются они однако, в согласии с принятым в этом издании распорядком, в начале тома, перед законченными статьями, по новой орфографии, но тем набором (корпусом без шпон), которым печатаются незаконченные, неотделанные и неопубликованные при жизни произведения Толстого. Впервые публикуются здесь две до сих пор не опубликованные статьи Толстого – «Как и зачем жить?» и «Три неправды», а также варианты из черновых рукописей к произведениям, ранее опубликованным.

Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ ШЕСТОМУ ТОМУ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, а также тексты посмертных художественных произведений, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква, и начертаний до-гrotовской орфографии в тех случаях, когда эти начертания отражают произношение Толстого и лиц его круга («брычка», «цаловать»).

При воспроизведении текстов статей и незаконченных черновых редакций и вариантов художественных произведений, непечатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках, без всякой оговорки.

В местоимения «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью; причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ]» – лишь, в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводятся.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в самом тексте, и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске, в одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки препинания в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуц-титулах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что

не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что ранее печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фототипия портрета Толстого 1905 г. – между XII и 1 стр. стр.

Примечания

1

«Речи и статьи Генри Джорджа». Изд. «Посредника», стр. 143 и 144.

2

Зачеркнуто: Не может самостоятельно голосовать человек не независимый.

3

В Рукописи № 2 после этих слов зачеркнуто: подь вліянієм паразитовъ.

4

В рукописи № 2 после этих слов зачеркнуто: паразитами.

5

Там же зачеркнуто: паразиты.

6

В. Г. Чертковым.

7

В записи Д. П. Маковицкого от 7 мая 1905 г. читаем: „Доканчиваю «Великий грех», – сказал далее Лев Николаевич. – Хотелось, чтобы был напечатан в «Русской мысли» или «Вестнике Европы»“.

8

В записи Д.П. Маковицкого от 29 ноября 1905 г. читаем: „В «Русской мысли» из «Великого греха» выпустили самые острые места о либералах. Горбунов не заметил и перепечатал текст из «Русской мысли»“.